

Ф Богати
34 орудия

Залив
Вриша

Равнина покрытая развали-
нами древней джидды

Ф Нагара
73 орудия

Залив Кериса

Текис
29 орудий

Городок
Майлоош

Таналь Буручо
16 орудий

Гаджи Алиаро
Буручо

Десермен
Буручо
20 орудий

Таналь Калеси

Паша Габлагу
Султаны Гиссаро
178 орудий
Килиде Вагарь
41 орудий

Намасиат
50 орудий

ПЛАНЬ
СИНЬИ МАКОРОМ'Ь
Б. МОЛ'ЯТКЕ.

доточенныхъ на азіатскомъ берегу у Гиссара. Остается, конечно, вопросомъ, не погибнетъ-ли судно въ продолженіи этой одной минуты?

Можно возразить, что всѣ упомянутыя затрудненія легко обойти, предпринявъ съ корпусомъ войскъ высадку, которую всего удобнѣе выполнить на азіатскомъ берегу, пользуясь обезпеченнымъ рейдомъ между Тенедосомъ и материкомъ. Большая часть дарданельскихъ батарей были закрыты съ горжи только слабыми стѣнами и были подвержены командованію ближайшей мѣстности. Но это обстоятельство не замѣчалось во всѣхъ укрѣпленіяхъ, а именно на азіатскомъ берегу Кумъ-Кале и Султанъ-Гиссаръ не были подвержены командованію мѣстности. Оба форта имѣли стѣны вышиною въ 40 фут., при толщинѣ въ 10 фут. Внутренность Султанъ-Гиссара была снабжена еще донжономъ въ 70 фут. высоты; онъ образовалъ собою какъ бы одну сплошную каменную массу; на платформѣ его могли быть размѣщены 28 орудій. Въ подобныхъ же условіяхъ находился замокъ Килидъ-Богаръ на европейскомъ берегу, имѣвшій своеобразное начертаніе. При подобной профили, замокъ, даже и подверженный командованію, не могъ быть взятъ нечаяннымъ нападеніемъ. Къ тому же въ Султанъ-Гиссарѣ и Килидъ-Богарѣ и непосредственно вблизи ихъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, были сосредоточены 290 орудій, въ числѣ коихъ состояло 45 орудій, стрѣлявшихъ каменными снарядами (Kemerliks); одинаково трудно было проплыть мимо этихъ орудій, или же захватить ихъ съ сухого пути.

Нельзя утверждать, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, что невозможно было форсировать проходъ черезъ Дарданеллы. Опытъ 1807 года уже доказалъ противное и, при полной безпечности и нерѣшительности противника, всякое отчаянное предпріятіе являлось дѣломъ исполнимымъ. Но мы имѣли только цѣлью указать на затрудненія, сопряженныя съ прорывомъ, и о которыхъ нерѣдко судили слишкомъ легко.

Описаніе Босфора. Что касается до другаго водяного пути, ведущаго къ турецкой столицѣ, а именно Босфора, то здѣсь стихійныя условія оказывались союзникомъ флота, шедшаго изъ Чернаго моря. Почти не прекращающійся въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ сѣверный вѣтеръ и сила теченія, неизмѣнно направленная къ югу, со скоростью почти полумили въ часъ, приведутъ, безъ сомнѣнія, флотъ къ стѣнамъ Константинополя; затѣмъ остается рѣшить другой вопросъ: въ какомъ видѣ придутъ къ столицѣ суда, прошедшія черезъ Босфоръ?

Босфоръ ¹⁾ имѣеть 4 мили длины, а ширина его, среднимъ числомъ, на половину менѣе Дарданеллъ; онъ имѣеть къ тому же извилистое направленіе и въ 1829 году былъ вооружень 392 орудіями. Многоэтажныя батареи, расположенныя у входа въ проливъ, близъ европейскаго и азіатскаго маяковъ, были удалены одна отъ другой на полмили; но уже между замками Карибдже и Попрасъ проливъ суживался до половины своей ширины. Форты были построены изъ мягкаго зеленаго песчаника и имѣли трехъ-ярусную оборону. Противъ атаки съ сухого пути они были обезпечены двумя отдѣльными казематированными круглыми башнями, занимавшими высоты.

Вблизи этихъ батарей были расположены: на европейскомъ берегу (*à fleur d'eau*) Буюкъ-Лиманъ, а на Азіатскомъ материкѣ Филь-Бурну, который былъ какъ бы прилѣпленъ къ высокому скалистому берегу. Оба форта были построены въ 1794 году французскимъ инженеромъ Мунье (*Mounnier*). Но главная оборонительная сила Босфора была основана на перекрестномъ огнѣ четырехъ большихъ фортовъ: Румели-Кавакъ, Анатоли-Кавакъ, Телли-Табія и Маджіаръ-Калесси. Въ мѣстѣ суженія Босфора, отъ 1497 до 1245 шаговъ, 166 орудій большаго калибра были размѣщены такимъ образомъ, чтобы дѣйствовать сосредоточенно, поддерживая другъ друга перекрестнымъ огнемъ. Проходящему здѣсь судну приходилось вступить въ бой съ одною изъ этихъ батарей, въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, подвергаясь въ то же время продольному огню съ прочихъ укрѣпленій, Маджіаръ-Калесси занималъ въ этомъ отношеніи особенно выгодное расположеніе, независимо отъ 60 орудій, дѣйствовавшихъ здѣсь *à fleur d'eau*, возможно было расположить еще второй ярусъ обороны на площадкѣ, имѣвшей отъ 30 до 40 фут. превышенія. Развалины генуэзскаго замка, способнаго къ оборонѣ, обезпечивали фортъ отъ нечаяннаго нападенія съ сухого пути. Ниже этого мѣста ширина Босфора снова увеличивалась и здѣсь встрѣчались только небольшія батареи на европейскомъ берегу. Вообще только одна сѣверная часть Босфора была приспособлена къ оборонѣ, такъ какъ далѣе тянулись почти непрерывною цѣпью Константинопольскія предмѣстья на протяженіи почти трехъ милъ, вдоль живописныхъ береговъ пролива.

Высоты, между которыми извивается Босфоръ, на подобіе широкой рѣки, имѣють со стороны Чернаго моря до 800 фут. превышенія. Онѣ понижаются по мѣрѣ приближенія къ Мраморному морю, круто, мѣстами почти отвѣсно, спускаясь къ проливу. По-

¹⁾ См. карту, приложеную къ стр. 205.

добное очертаніе мѣстности подвергало береговья батареи, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствию съ командующихъ высотъ, способствуя атакѣ съ сухопутной стороны, несмотря на редюнты, расположенные въ горжахъ. Высадка для этой цѣли на азіятскомъ берегу корпуса войскъ была сопряжена съ немалыми затрудненіями, по мѣстнымъ свойствамъ прибрежья, состоявшаго главнымъ образомъ изъ отвѣсныхъ базальтовыхъ стѣнъ. На европейскомъ берегу ближайшій заливъ Килии оборонялся четырёхугольнымъ фортомъ съ малыми бастіонами и каменной одеждой, высотой въ 20 футовъ, но, благодаря низменному песчаному берегу, простиравшемуся оттуда до озера Деркоса, высадка могла быть всюду произведена при содѣйствіи плоскодонныхъ судовъ.

Однако, чтобы открыть подобнымъ средствомъ для флота Босфоръ, необходимо было произвести высадку на обоихъ берегахъ пролива; батареи же каждаго берега въ отдѣльности были достаточно сильны для загражденія прохода, затѣмъ необходимо было принять въ соображеніе непосредственную близость столицы, гдѣ турецкое правительство, по всей вѣроятности, всегда могло имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ человекъ, которые оказали-бы противодѣйствіе подобному предпріятію.

Кромѣ того, два древніе замка, Румели-Гиссаръ и Анатоли-Гиссаръ, могли служить удобнымъ мѣстомъ для расположенія двухъ большихъ батарей; оба замка были построены турками, вслѣдъ за взятіемъ Константинополя, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Босфора, гдѣ берега пролива отстоятъ одинъ отъ другаго на 958 шаговъ. Замки не могли быть взяты нечаяннымъ нападеніемъ съ горжи; въ особенности Румели-Гиссаръ на европейскомъ берегу былъ вполне обезпеченъ отъ подобнаго покушенія, благодаря стѣнамъ, высотой въ 40 фут., и исполинскимъ башнямъ. Паденіе мѣстности внутри ограды было столь круто, что ничего не могло быть обнаружено съ позади лежавшихъ командующихъ высотъ. Наконецъ, оконечность серая и высокая, открытая площадь Гюльхане дозволяли выставить сотни орудій, которыя, занимая совершенно обезпеченное расположеніе, господствовали надъ проливомъ между Константинополемъ и Скутари, гдѣ ширина прохода не превышала ширины Дарданеллъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ.

Заключеніе о военномъ значеніи Константинополя. Въ такомъ видѣ представлялось сухопутное и морское положеніе Византіи, расположенной въ двухъ частяхъ свѣта, между двумя морями и намѣченной природою служить столицею стараго свѣта.

Мы преднамѣренно остановились нѣсколько долѣе на военномъ значеніи этого города, существенно повліявшаго на образъ дѣйствій графа Дибича; въ каждой новой войнѣ, которая разыграется въ этихъ странахъ, Константинополь будетъ играть первенствующую роль. Недаромъ же въ продолженіе многихъ лѣтъ Восточная Римская имперія ограничивалась городской чертой Константинополя. Вообще города съ населеніемъ въ полмиліона людей трудно покорить силою оружія, но они чаще падаютъ по своей собственной винѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Константинополѣ, со времени истребленія янычаръ, могущественная партія выжидала благоприятнаго случая, чтобы водрузить знамя мятежа. Переходъ русскихъ черезъ Балканы, считавшійся до тѣхъ поръ невозможнымъ, поставилъ турецкое правительство въ затруднительное положеніе и подготовилъ настроеніе умовъ къ взрыву. Но султанъ Махмудъ предупредилъ янычаръ. Хозревъ-паша, будучи неподражаемымъ начальникомъ полиціи для турецкой столицы, напалъ уже давно на слѣдъ заговорщиковъ; начался кровавый судъ, въ которомъ его вовсе не беспокоила казнь нѣсколькихъ сотъ невинныхъ людей, лишь бы только не спаслись виновные. Такимъ образомъ, неудовольствіе хотя и не было отстранено, но на время подавлено. Но если что-либо могло примирить между собою враждующія партіи, то это было появленіе русской арміи подъ стѣнами столицы, которая уже въ продолженіе четырехъ столѣтій не видѣла предъ собой непріятеля. Къ тому же недовольные мусульмане желали возстановленія стараго порядка или безпорядка, но никакъ не желали господства невѣрныхъ. Они съ удовольствіемъ замѣчали затруднительное положеніе Порты, но сознавали, что паденіе ея повлечетъ за собою ихъ собственную гибель. Греческое и армянское населеніе жило большею частью по ту сторону гавани, въ самомъ-же Константинополѣ число ихъ составляло едва четвертую часть городскихъ жителей; продолжительное рабство пріучило ихъ къ повиновенію, вслѣдствіе чего они способны были принять сторону побѣдителя только послѣ совершеннаго окончанія борьбы между русскими и турками. Хотя они искренно желали открытія переговоровъ и заключенія мира въ ущербъ Портѣ, но отнюдь не желали подвергать Константинополь опасностямъ приступа, за который они заплатили бы болѣе прочихъ. Съ высоты башенъ и столичныхъ мечетей возможно было бы пересчитать непріятельскіе штыки на равнинѣ Даудъ-паши и малочисленность ихъ побудила бы даже самого роб-

каго жителя подняться на стѣны и защищать все, что ему дорого, противъ горсти враговъ. Если, наконецъ, мы примемъ во вниманіе, что при оборонѣ дунайскихъ крѣпостей, Варны, а также и Шумлы, рядомъ съ регулярными войсками всегда сражались вооруженные жители, если мы припомнимъ, что весьма часто гарнизоны этихъ крѣпостей состояли, главнымъ образомъ, изъ вооруженныхъ жителей, а между тѣмъ нѣкоторые изъ крѣпостей оборонялись весьма *упорно* (Силистрія), другія попали въ наши руки *отчасти случайно* (Тулча, Исакча, Варна), а нѣкоторыя нами были *вовсе не взяты* (Шумла), то нельзя не сдѣлать вывода, что Дибичъ былъ правъ, когда считалъ, *что съ 25,000 человекъ, которыми онъ могъ располагать, нельзя было штурмовать укрѣпленный городъ, въ которомъ жило 600,000 мусульманъ* ¹⁾.

Къ этому надо прибавить, что турки могли сосредоточить для обороны Константинополя отъ 23 до 30 тыс. человекъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ ²⁾.

Что же касается до вопроса, могъ ли графъ Дибичъ рассчитывать на содѣйствіе флота, крейсировавшаго въ Черномъ морѣ и въ Архипелагѣ, то, на основаніи всего вышесказаннаго, слѣдуетъ замѣтить, что, въ крайнемъ случаѣ, если русскій флотъ прошелъ бы черезъ одинъ изъ проливовъ, то, по всей вѣроятности, англійскій флотъ адмирала Малькольма послѣдовалъ-бы за нимъ въ Мраморное море и соединился бы съ турецкимъ флотомъ, стоявшимъ на якорѣ въ Босфорѣ.

И такъ, для того, чтобы взять Константинополь, *Дибичу нужно было занять сильнымъ отрядомъ Дарданеллы, сбить турокъ съ крѣпкихъ позицій, которыя они могли оборонять между Адрианополемъ и Константинополемъ, форсировать двумя эскадрами Дарданеллы и Босфоръ и штурмовать Константинополь.*

Быть можетъ, все это увѣнчалось бы успѣхомъ, но едва ли можно утвердительно отвѣтить на поставленный нами вопросъ: *могъ ли Дибичъ рассчитывать на успешный исходъ операций противъ Константинополя въ половинѣ августа 1829 г.?* Съ другой стороны, конечно, соблазнительно было бы воспользоваться всѣми выгодами, которыя мы приобрѣли бы, занявъ Босфоръ и

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 13 августа 1829 г. (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 541).

²⁾ Вѣдомость о турецкихъ силахъ, доставленная ген.-маіоромъ Бергомъ въ февралѣ 1830 г. (изъ бумагъ ген.-маіора Берга).

Дарданеллы; тогда вѣроятно оправдалась бы справедливость извѣстнаго изрѣченія: *beati possidentes* ¹⁾).

Отношеніе западно-европейскихъ посланниковъ въ Константинополь къ мирнымъ переговорамъ. Какъ мы уже знаемъ, 17 августа прибыли въ Адрианополь уполномоченные султана для веденія переговоровъ о мирѣ. Одновременно съ этимъ Дибичъ вошелъ въ сношеніе съ французскимъ и англійскимъ посланниками въ Константинополь и съ прусскимъ генераломъ Мюффлингомъ, посланнымъ своимъ правительствомъ въ Константинополь.

Султанъ все еще не хотѣлъ признавать силу русскихъ и истощеніе собственныхъ средствъ, не смотря на убѣжденія окружавшихъ сановниковъ и находившихся въ Константинополь дипломатовъ. Правда, большинство турецкихъ сановниковъ несравненно болѣе опасались возстанія въ столицѣ, во время котораго они могли потерять свое положеніе и поплатиться своими головами, чѣмъ заключенія невыгоднаго для Турціи мира.

Дипломаты также усердно работали въ пользу Дибича въ то время, когда онъ занялъ Адрианополь и началъ выдвигать часть своей арміи къ Константинополю. Какъ представители своихъ державъ, они, конечно, преслѣдовали цѣли, которыя не имѣли ничего общаго съ интересами Турціи.

Но для нихъ было весьма важно прекращеніе войны, которая въ продолженіи уже двухъ лѣтъ угрожала европейскому миру.

Попытку, вмѣшаться въ наши переговоры съ Портой, иностранные дипломаты сдѣлали еще тогда, когда войска наши наступали къ Адрианополю. На другой же день по занятіи Адрианополя, къ Дибичу прибылъ посланный отъ генерала Мюффлинга прусскаго генеральнаго штаба поручикъ Клеръ, съ письмами отъ Мюффлинга, англійскаго посланника Гордона и французскаго посланника Гильемино. Въ этихъ письмахъ сообщалось, что Порта рѣшила прислать уполномоченныхъ съ предложеніями, въ основѣ которыхъ лежитъ нота графа Нессельроде, но пропущено было условіе о вознагражденіи нашего правительства, о которомъ вовсе не упоминалось, а относительно вознагражденія нашей торговли турки предлагали снестись послѣ съ Константинополемъ.

Донося объ этомъ государю, Дибичъ писалъ: «считаю долгомъ прежде всего сказать Вашему Величеству, что, придерживаясь смысла данныхъ мнѣ инструкцій, буду, на сколько возможно, са-

¹⁾ На возможность такого оборота намекаетъ *Valentini (de? Turckenkrieg, § 163)* и впоследствии въ 1878 г. на тоже указывалъ Бисмаркъ.

мымъ вѣжливымъ образомъ избѣгать всякаго посторонняго вмѣшательства, несогласнаго съ приказаніями Вашего Императорскаго Величества. Я уже просилъ и снова буду просить, чтобы намъ прислали турецкихъ уполномоченныхъ для переговоровъ по всѣмъ пунктамъ, изложеннымъ въ потѣ графа Нессельроде и неуклонно буду слѣдовать инструкціямъ, если не получу новыхъ ¹⁾.

17 августа вмѣстѣ съ турецкими уполномоченными прибыли въ главную квартиру нашей арміи прусскій маіоръ Кистеръ съ письмомъ отъ генерала Мюффлинга, въ которомъ онъ увѣдомлялъ Дибича, что Кистеръ участвовалъ въ засѣданіи дивана вмѣстѣ съ французскимъ и англійскимъ посланниками и можетъ сообщить Дибичу интересныя подробности объ этомъ засѣданіи.

Маіоръ сообщилъ Дибичу, что турки, встревоженные извѣстіемъ о прекращеніи переговоровъ между визиремъ и генераломъ Красовскимъ ²⁾, а еще болѣе взятіемъ Адрианополя, обратились къ французскому и англійскому посланникамъ и къ генералу Мюффлингу съ просьбою присутствовать на засѣданіяхъ дивана. Мюффлингъ, вслѣдствіе болѣзни, послалъ вмѣсто себя маіора Кистера. Прежде всего дипломаты посовѣтывали туркамъ немедленно послать уполномоченныхъ для веденія мирныхъ переговоровъ, а также обсудить вопросъ о вознагражденіи и подчиниться русскимъ требованіямъ. Затѣмъ, какъ писалъ Дибичъ императору Николаю, «имъ кажется совѣтывали положиться на великодушіе Вашего Величества относительно этого пункта, что довольно ловко со стороны иностранныхъ посланниковъ, но что повліяетъ весьма мало на мой образъ дѣйствій ³⁾».

Кистеръ, разговаривая съ Дибичемъ о земляхъ, которыя бы мы желали получить въ Азіи, сказалъ ему, что въ случаѣ, если мы пожелаемъ Ахалцыхъ, то это можетъ повести за собою большія затрудненія, потому что турки дорожатъ этимъ владѣніемъ, на которое они смотрятъ какъ на одно изъ самыхъ древнихъ своихъ наслѣдій и какъ на ключъ своихъ владѣній въ Азіи. Кистеръ прибавилъ, что и англичане будутъ съ завистью смотрѣть на это приобрѣтеніе, что сэръ Гордонъ даже сказалъ, что наше требованіе Ахалцыха выходитъ изъ границъ великодушія, котораго они ожидали

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9 августа 1829 года (второе въ этотъ день).

²⁾ Эти переговоры происходили подъ Шумлой.

³⁾ Письмо Дибича императору Николаю отъ 17 августа 1829 г. (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 516).

отъ императора Николая, такъ какъ эта крѣпость служила бы намъ для наступательныхъ дѣйствій и занятіе ея указывало бы на предположенія объ увеличеніи земельныхъ пріобрѣтеній въ будущемъ.

На эти заявленія Дибичъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ сообщить иностраннымъ дипломатамъ данныхъ ему инструкцій и что если мы просили объ уступкѣ Ахалцыха, то единственно для того, чтобы упрочить миръ тѣмъ, что мы лишимъ турокъ всякаго сообщенія съ кавказскими горами; далѣе Дибичъ говорилъ, «что онъ не позволитъ себѣ стѣсняться чѣмъ бы то ни было мнѣніями и что онъ будетъ строго исполнять данныя ему инструкціи, какъ подобаешь вѣрному и исправному воину» ¹⁾).

Тогда Кистеръ высказалъ мысль, что, можетъ быть, мы удовольствуемся тѣмъ, что сроемъ укрѣпленія Ахалцыха. На это Дибичъ сказалъ ему, что онъ недостаточно знакомъ съ мѣстностью, чтобы судить объ этомъ, и что, наконецъ, это можетъ быть рѣшено только императоромъ Николаемъ.

Наконецъ, Кистеръ обратился къ предмету, который, повидимому, и составлялъ цѣль его миссіи, а именно онъ просилъ Дибича какъ можно скорѣе заключить миръ, если можно, то въ 2 или 3 дня и не приближать наши войска слишкомъ близко къ Константинополю, потому что наступленіе это можетъ вызвать революцію и заставляетъ опасаться паденія султана и имперіи. На такое заявленіе Дибичъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ возможнымъ остановить наступленіе нашихъ войскъ, направленныхъ къ Люле-Бургасу, но что если онъ замѣтитъ малѣйшее колебаніе въ уполномоченныхъ, то двинется рѣшительно впередъ и тогда послѣдствія этого рѣшенія будутъ въ рукахъ Божіихъ и не подлежатъ отвѣтственности русскаго главнокомандующаго. Къ этому Дибичъ прибавилъ, что онъ не будетъ затягивать переговоры и напротивъ будетъ стараться ихъ ускорить. Въ доказательство этого, Дибичъ заявилъ, что начнетъ переговоры, не дожидаясь пріѣзда двухъ уполномоченныхъ, назначенныхъ государемъ, а именно графа Палена и графа Орлова.

Замѣтимъ, что въ тотъ же день, когда въ Адрианополь прибыли турецкіе уполномоченные, Дибичъ получилъ извѣстіе о пріѣздѣ въ Бургасъ графа Ѳ. Палена; тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ немедленно начать переговоры и назначилъ съ этой цѣлью командующаго 18-ю пѣхотною дивизіею князя Горчакова (старшаго) и дѣйствительнаго

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича 17 августа 1829 г. (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 года, стр. 546).

статскаго совѣтника Фонтонна, а Чевкина назначилъ для веденія протоколовъ.

Это рѣшеніе доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ насколько Дибичъ торопился окончить военныя дѣйствія; эта торопливость становится еще болѣе очевидною, если принять во вниманіе то обстоятельство, что Дибичу уже было извѣстно о пріѣздѣ Палена въ Бургасъ и что слѣдовательно черезъ нѣсколько дней уполномоченные, назначенные Государемъ, уже должны были пріѣхать въ Адрианополь ¹⁾. Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что Дибичу трудно было самому руководить мирными переговорами, а поэтому безусловно можно сказать, что если бы онъ не жаждалъ скорѣйшаго окончанія военныхъ дѣйствій, то предпочелъ бы ожидать пріѣзда лицъ, непосредственно назначенныхъ Государемъ для веденія переговоровъ.

Намѣреніе приступить къ переговорамъ, не ожидая пріѣзда нашихъ уполномоченныхъ, Дибичъ выразилъ тотчасъ послѣ занятія Адрианополя. «Мнѣ было бы весьма желательно, писалъ онъ 9-го августа Императору Николаю, чтобы наши уполномоченные прибыли какъ можно скорѣе. Фонтонъ, который заслуживаетъ полнаго довѣрія за его усердіе и искусство, достойныя величайшихъ похвалъ, будетъ руководить пока переговорами съ турепкими уполномоченными, если только они пріѣдутъ раньше».

Насколько Дибичу затруднительно было лично заниматься непривычнымъ для него дѣломъ по дипломатической части, видно, между прочимъ, изъ того, что онъ самъ вынужденъ былъ *«тщательно перечитывать депеши и въ особенности хорошенъко сообразить отвѣты»*, какъ онъ писалъ Государю 9-го августа. Къ тому же Фонтонъ былъ боленъ, такъ что Дибичу пришлось много дѣлать самому. «Весь день наполненъ у меня дѣлами, писалъ онъ Государю 17-го августа, для которыхъ недостаетъ необходимаго навыка и которымъ я долженъ однако посвятить все мое вниманіе, несмотря на полное довѣріе къ Фонтону».

Изъ заявленій посланниковъ въ Константинополь и изъ словъ Кистера, который являлся какъ бы уполномоченнымъ отъ Мюффлинга, Гордона и Гильемино, можно было сдѣлать заключеніе, что они весьма желали задержать наступленіе нашихъ войскъ, очевидно считая, что Турція больше не можетъ намъ сопротивляться. Такимъ образомъ, посредничество ихъ въ сущности приводило къ ограниченію нашихъ успѣховъ.

¹⁾ Паленъ пріѣхалъ 19-го, а Орловъ въ ночь на 20-е августа.

Но если Дибичъ изъ этихъ заявленій еще не вынесъ убѣжденія въ возможности занять Константинополь, то черезъ нѣсколько времени у него уже были такія данныя, которыя должны бы были его убѣдить въ такой возможности.

30-го августа онъ писалъ Императору Николаю ¹⁾: «послѣ всего того, что мнѣ писалъ и говорилъ прусскій посоль, приглашенный Портою для ускоренія заключенія мира, и кромѣ того изъ чтенія памятнаго документа, подписаннаго сэромъ Р. Гордономъ и графомъ Гильемино, содержавшаго заявленіе Порты, подтвержденное гг. послами, что движеніе Вашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положить конецъ *существованію* Оттоманской имперіи—все это кажется мнѣ не только славнымъ памятникомъ вашего оружія, Государь, но и самую прочною гарантіею для мира, ибо никто не станеть дѣлать подобныхъ заявленій, если осталась еще надежда на исходъ боя».

Итакъ, 30-го августа, когда миръ еще не былъ подписанъ, когда былъ перерывъ въ переговорахъ и когда войска наши, согласно заявленію Дибича, могли продолжать наступленіе, ему было ясно, что у турокъ *«не осталось надежды на исходъ боя»*.

Такимъ образомъ, становится не совсѣмъ понятнымъ, почему Дибичъ не дѣйствовалъ съ большей рѣшительностью и не попытался занять Константинополь въ это время. Такое рѣшеніе было бы тѣмъ болѣе основательнымъ, что изъ дѣйствій иностранныхъ дипломатовъ было ясно, что они только хотятъ задержать насъ и положить предѣлъ нашимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Такое впечатлѣніе вынесъ и Императоръ Николай изъ сообщеній англійскаго правительства. «Полученныя извѣстія изъ Лондона, писалъ онъ Дибичу 1-го сентября ²⁾, положительно подтверждаютъ, что англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: «ради Бога, не обходитесь съ нами *по Дибичевски* и пощадите нашу честь». Они видятъ и *не опасаются* болѣе паденія Оттоманской имперіи и *нашего владычества* въ Константинополѣ, словомъ, это полное торжество».

10-го сентября Государь писалъ Дибичу: «новости изъ Лондона и Парижа очень утѣшительны тѣмъ, что вполне предоставляютъ намъ окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ» ³⁾.

¹⁾ Всенподаннѣйшее письмо Дибича 30-го августа 1829 г. («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 556).

²⁾ Императоръ Николай Дибичу (13) сентября 1829 г., Елагинъ островъ. («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 555).

³⁾ Императоръ Николай Дибичу 10 сентября 1829 г. Александрія. («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 561).

Наконецъ, Орловъ писалъ Дибичу изъ Константинополя въ исходѣ 1829 г.: «тѣмъ болѣе я знакомлюсь съ положеніемъ вещей здѣсь, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что занятіе вашимъ сіятельствомъ Константинополя имѣло бы тотъ же результатъ, что и занятіе Адрианополя; все осталось бы въ полномъ порядкѣ и только одно турецкое правительство пало бы и что не было бы избіенія христіанъ. Опасенія посланниковъ и дѣйствительныя причины его были ни что иное, какъ желаніе остановить побѣдоносныя войска Его Величества» ¹⁾).

Изъ этого видно, что западно-европейскіе дипломаты считали, что турецкія силы болѣе не могли уже сопротивляться нашей арміи, которую они считали въ 60,000 человекъ и что необходимо было подъ видомъ посредничества задержать наступленіе Дибича. Итакъ, если въ половинѣ августа у Дибича не могло быть много надежды на успѣхъ операцій противъ Константинополя, то въ концѣ этого мѣсяца взглядъ его на этотъ вопросъ долженъ былъ измѣниться въ томъ смыслѣ, что успѣхъ операцій становился возможнымъ. Тогда вновь возникаетъ вопросъ, почему же Дибичъ не рѣшился взять Константинополя въ концѣ августа, когда турки, какъ разъ въ это время, начали затягивать переговоры, съ очевидной цѣлью выиграть время.

Мы полагаемъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть слѣдующій: это объясняется, во-первыхъ, нежеланіемъ испортить результаты всего похода, этимъ, все же, рискованнымъ предпріятіемъ; во-вторыхъ, вмѣшательствомъ пословъ, обѣщавшихъ побудить Порту согласиться на наши условія безъ новыхъ осложненій и въ третьихъ—извѣстнымъ Дибичу взглядомъ Императора Николая на занятіе Константинополя: *Государь не желалъ занятія этого города, но допускалъ это въ крайнемъ случаѣ, если нельзя иначе заставить турокъ подписать миръ*. Отсюда вытекала условность приказанія Государя, а у Дибича не хватило характера взять на себя отвѣтственность при рѣшеніи этого вопроса. Какъ Государь смотрѣлъ на занятіе Константинополя, это лучше всего видно изъ письма его къ Дибичу отъ 1-го сентября. «Перейдемъ къ случайностямъ, осуществленіе которыхъ я, молю Бога не допустить! Это видѣтъ насъ владыками Константинополя и тѣмъ слѣдовательно вызвать исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако, я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній, на слу-

¹⁾ Письмо Орлова Дибичу, изъ Константинополя (Н. Шильдеръ, переводъ Мольке, ч. 2-я, стр. 303, примѣчаніе).

чай если дѣйствительно дошло бы до этого. При неуспѣшности переговоровъ, *вы должны* немедленно двинуться къ Константинополю обезпечивъ себя со стороны Дарданелль; не обращайтесь вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе уравниваются вашею нравственною силою. Овладевъ Константинополь, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія которыхъ, вы положительно откажетесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, *какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было»* ¹⁾.

Итакъ, двинуться къ Константинополю и брать его можно было только въ случаѣ *«неустыжности переговоровъ»*.

Между тѣмъ, Дибичъ очень хорошо понималъ, что, если бы онъ, въ случаѣ *«неустыжности переговоровъ»*, двинулся впередъ, то быть можетъ, такое движеніе не столько устало бы турокъ, сколько заставило бы ихъ упорнѣе защищаться и тогда пришлось бы штурмовать Константинополь, т. е. *предпринять операцію, которую онъ считалъ неисполнимой для арміи въ томъ составѣ, въ какомъ она была осенью 1829 г.*

Пріемъ Дибичемъ турецкихъ уполномоченныхъ. Дибичъ принялъ турецкихъ уполномоченныхъ 17-го августа, на другой же день по ихъ прибытіи. Свиданіе это было весьма дружественное и уполномоченные заявили, что они имѣютъ полномочія отъ самаго султана.

Донося Государю объ этомъ свиданіи, Дибичъ писалъ, что турецкіе уполномоченные «сознаютъ великодушіе Вашего Императорскаго Величества и, кажется, самъ султанъ вѣритъ въ него и хочетъ измѣнить неумѣстный образъ дѣйствій Порты послѣ предложеній, сдѣланныхъ въ Шумлѣ, вызванный недоразумѣніями между подчиненными.

«Дефтедаръ и-Кази-Аскеръ—оба имѣютъ полномочія отъ самаго султана и Кистеръ говоритъ, что въ инструкціяхъ, данныхъ имъ рейсомъ-ефенди, онъ видѣлъ одинъ пунктъ, уполномочивающій ихъ уступить всѣмъ нашимъ требованіямъ. Въ такомъ случаѣ можно рассчитывать на ускоренный ходъ переговоровъ; но я не хочу еще предаваться слишкомъ смѣлымъ надеждамъ. Во всякомъ случаѣ, весьма много вѣроятія, что мы заключимъ прочный и славный миръ».

¹⁾ Императоръ Николай Дибичу 1-го сентября 1829 г., Елагинъ островъ («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 554).

Въ письмѣ отъ 24-го августа Дибичъ сообщалъ Государю дополнительныя свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ ¹⁾).

Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ, что турецкіе уполномоченные «обнаруживали желаніе спѣшить, насколько возможно, заключеніемъ мира; желаніе—вполнѣ соотвѣтствующее нашимъ собственнымъ намѣреніямъ. Я счелъ долгомъ, во избѣжаніе потери времени, дать имъ немедленно аудіенцію и затѣмъ открыть конференцію, а за отсутствіемъ графовъ Орлова и Палена, назначить князя Горчакова 2-го и Фонтана, какъ моихъ делегатовъ, и Чевкина для составленія протоколовъ. На аудіенціи, лишенной всякаго излишняго этикета, я поставилъ себѣ задачею выяснитъ имъ: какъ сильно желаніе мира было постоянно поддерживаемо Вашимъ Величествомъ; сколько разъ были даны въ этомъ смыслѣ неоспоримыя доказательства, такъ что даже въ настоящее время я остановилъ движеніе нашихъ войскъ; какъ велика умѣренность условій, предлагаемыхъ нынѣ Портѣ, при обстоятельствахъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ; если настоящее положеніе Порты затруднительно, то въ этомъ она можетъ винитъ только саму себя, потому что она отклонила, такъ сказать, неприличнымъ образомъ, сближеніе, которое было предложено ей послѣ Кулевчи; что, наконецъ, султанъ, казалось, начиналъ убѣждаться въ великодушныхъ намѣреніяхъ Вашего Величества; что послѣдующія событія несомнѣнно укрѣпятъ въ немъ это мнѣніе и докажутъ ему, что онъ не найдетъ лучшаго и болѣе искренняго союзника, чѣмъ Ваше Величество. Затѣмъ я выяснилъ вкратцѣ главные пункты нашихъ предложеній, съ которыми, кажется, турки согласились, за исключеніемъ статьи о вознагражденіяхъ. Этою статьею дефтердаръ, который со стороны турокъ одинъ поддерживалъ пренія, казалось, былъ приведенъ въ недоумѣніе и молчалъ, обдумывая вѣроятно свой отвѣтъ, между тѣмъ какъ Кази-Аскеръ, заговоривъ въ первый и послѣдній разъ, возразилъ, что, при помощи Божіей, все устроится къ лучшему. Разстались мы весьма любезно и турки остались въ восхищеніи отъ сдѣланнаго имъ приема.

«Я велѣлъ немедленно приготовить проектъ трактата и представить его турецкимъ уполномоченнымъ, чтобы они могли ознакомиться съ нимъ и предварительно разсмотрѣть его до открытія конференціи.

«Я велѣлъ помѣститъ въ проектѣ максимумъ нашихъ требова-

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 24-го августа 1829 г. («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 547).

ній, за исключеніемъ статьи, относящейся къ азійскимъ пашалыкамъ, согласованной съ потою гр. Нессельроде отъ 18-го іюля; а именно въ ней требовалась уступка Ахалцыха, Ахалкалаки и Ахцера, не упоминая о пашалыкѣ. Цифра вознагражденія за ущербы торговли была рѣшительно опредѣлена въ 1½ миліона голландскихъ дукатовъ, а военныя издержки въ 10 миліоновъ.

«Я пригласилъ къ себѣ уполномоченныхъ, чтобы лично передать имъ проектъ трактата и такимъ образомъ начать переговоры. Они поблагодарили меня за ускореніе дѣла, но совершенно справедливо пожелали познакомиться съ проектомъ у себя, простились и, казалось, продолжали быть въ восторгѣ».

Такимъ образомъ, 17-го августа было приступлено къ переговорамъ и, повидимому, съ обѣихъ сторонъ было желаніе довести это дѣло поскорѣе до конца.

Дибичъ предполагалъ 18-го августа продолжать переговоры, но въ это время пріѣхалъ гр. Паленъ, а въ слѣдующую ночь (20-го августа) гр. Орловъ съ канцеляріею. Съ этихъ поръ явилась возможность вести переговоры при посредствѣ лицъ, непосредственно назначенныхъ для этого Государемъ, а потому Дибичъ немедленно отозвалъ князя Горчакова, Фонтонна и Чевкина.

21-го августа главнокомандующій подписалъ полномочія графовъ Орлова и Палена и въ тотъ же день состоялось первое засѣданіе.

Первое засѣданіе о мирныхъ переговорахъ. На первомъ засѣданіи уполномоченныхъ обѣихъ державъ, происходившемъ 21-го августа, было обсуждено нѣсколько вопросовъ. Вопросъ о нейтралитетѣ острововъ при устьяхъ Дуная возбудилъ живѣйшій споръ, вѣроятно, вслѣдствіе незнакомства турецкихъ уполномоченныхъ съ мѣстностью. Пунктъ о Молдавіи и Валахіи былъ принятъ турками легко, причемъ выяснилось, что они, повидимому, не смотрятъ болѣе на княжества, какъ на свою собственность и безъ всякаго затрудненія согласились на полную уступку ихъ. Равнымъ образомъ не возникло никакихъ затрудненій относительно уступки мѣстъ, требуемыхъ нами въ Азіи; точно также легко пришли къ соглашенію и относительно статей, касавшихся убытковъ торговли и условленныхъ за это вознагражденій.

Наконецъ, дошли до статьи о вознагражденіи за военныя издержки. Турецкіе уполномоченные замѣтили, что они не могутъ представить себѣ возможности уплаты болѣе большой суммы, въ виду крайней бѣдности и финансоваго разстройства Порты, извѣстнаго

всему свѣту, такъ какъ она уже нѣсколько лѣтъ не получаетъ своихъ главныхъ доходовъ.

Имъ отвѣчали, что это обязательство, какъ бы оно трудно ни было, должно быть выполнено, чтобы вознаградить Россію за убытки, понесенные въ войнѣ, противной ея мирнымъ намѣреніямъ, что можно прибѣгнуть къ какому-нибудь соглашенію для облегченія этого бремени, которое позволило бы разсрочить этотъ платежъ на нѣсколько лѣтъ. На этомъ закончилось первое засѣданіе.

Второе засѣданіе. 22-го августа, послѣ обѣда, было второе засѣданіе.

Пренія начались съ вопроса о военномъ вознагражденіи. Турецкіе уполномоченные возобновили свои вчерашніе доводы, говоря, что они не знаютъ, какъ разрѣшить эту задачу и находятся внѣ всякой возможности принять это условіе. Тогда имъ отвѣтили, что они имѣютъ неограниченныя полномочія отъ султана. Въ свою очередь турки возразили на это, что хотя они дѣйствительно снабжены достаточными полномочіями, но, говоря по совѣсти, не могутъ принять статью, которую, по ихъ убѣжденію, султанъ не въ состояніи будетъ выполнить. Поэтому они просили десятидневную отсрочку, чтобы получить новыя инструкціи отъ своего повелителя.

Тогда наши уполномоченные обратили вниманіе турокъ на то, что согласіе на уплату вознагражденій составляетъ необходимую принадлежность мирнаго договора, но чтобы облегчить тягость этого условія, мы соглашались разложить уплату на равныя части, срокомъ даже на 10 лѣтъ, причемъ залогомъ за выполненіе этого условія должно было служить занятіе Силистріи и двухъ княжествъ, доходы съ которыхъ должны были служить процентами съ уплачиваемой суммы. Тогда турецкіе уполномоченные опять стали просить объ отсрочкѣ для полученія новыхъ инструкцій и въ тоже время предложили полную уступку участка территоріи, которая равнялась бы части или всему вознагражденію.

На это Дибичъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ приказаній отъ Государя на принятіе какой-либо территоріи, за исключеніемъ небольшихъ участковъ, перечисленныхъ въ трактатѣ; что онъ ничего не можетъ рѣшить своей властью и долженъ испросить приказаній у Государя; что во всякомъ случаѣ сдѣланное турками предложеніе можетъ быть принято русскимъ Главнокомандующимъ только при условіи, если оно будетъ исходить отъ султана, какъ бы по его личному почину. Эту формальность Дибичъ считалъ необхо-

димой, въ виду того, что *Императоръ Николай объявилъ всенародно, что онъ не ищетъ земельныхъ приобретений.*

Тогда турки заявили, что имъ по этому вопросу также необходимо получить инструкціи отъ султана.

Въ виду такого упорства уполномоченныхъ, Дибичъ далъ имъ десятидневный срокъ для полученія новыхъ инструкцій, но въ то же время объявилъ имъ, что наступленіе нашихъ войскъ, въ теченіе этого времени, будетъ продолжаться и уже продолжается и когда уполномоченные поспѣшили просить Дибича остановить наши войска, то онъ настоялъ на своемъ и отказалъ въ этой просьбѣ. Однако онъ объявилъ пашамъ, что «не желаетъ нарушить покоя столицы и поэтому до полученія отвѣта отъ султана онъ не выдвинетъ нашихъ войскъ далѣе Силиврин. Турки съ признательностью приняли это обѣщаніе ¹⁾».

Такимъ образомъ, переговоры были прерваны на 10 дней и Дибичъ счелъ нужнымъ двинуть войска впередъ.

На донесеніе Дибича отъ 24-го августа о ходѣ мирныхъ переговоровъ, Императоръ Николай отвѣчалъ въ весьма рѣшительномъ тонѣ. Государь писалъ ²⁾: «хотя взявшись за перо, чтобы отвѣтить на ваше письмо отъ 24-го августа, я долженъ полагать, что все кончено или же въ противномъ случаѣ вы находитесь въ Константинополѣ, но на всякій случай я хочу, любезный другъ, коснуться нѣкоторыхъ пунктовъ, подлежащихъ ратификаціи.

«Вполнѣ одобряю вашъ способъ дѣйствія и двухъ вашихъ помощниковъ въ переговорахъ; еще больше хвалю ваше заявленіе и предпринятія передвиженія войскъ, съ цѣлью доказать, что не намѣрены остановиться; но не согласенъ занять княжества какъ гарантію на 10 лѣтъ! Это заставляеть насъ выйти изъ своей роли, показываетъ, что мы хотимъ измѣнить своему слову и ищемъ предлога, чтобы не очищать княжества, а навсегда оставить ихъ за собою; кромѣ того занятіе этихъ провинцій будетъ весьма тягостно и въ денежномъ отношеніи и, что того хуже, для людей.

«Я же хочу, чтобы вмѣсто княжествъ вы удержали *прибрежные* пункты отъ залива Бургаса до Кюстенджи и *предмостное укрѣпленіе* въ Сатуновѣ. Силистрія должна остаться за нами до окончательной уплаты торговыхъ убытковъ, равно какъ и княже-

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо гр. Дибича отъ 24-го августа 1829 г. (Древн. и Новая Россія, декабрь 1879 г., сор. 550).

²⁾ Импераооръ Николай—Дибичу, 10-го сентября 1829 г. Александрія (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 560 и 561).

ства, и затѣмъ должны быть очищены. Если вамъ не удалось добиться уступки Карса, что я считалъ для насъ болѣе полезнымъ, то сохраните этотъ пунктъ, какъ залогъ, вмѣсто княжествъ. Соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ о неудобствѣ территоріальнаго увеличенія въ Азіи, но Карсъ и Ахалдъхъ съ Батумомъ намъ необходимы, чтобы укрѣпить правую сторону нашихъ владѣній, слишкомъ открытую для турокъ. Сія уступка могла бы даже замѣнить часть денежнаго вознагражденія, какъ значится въ проектѣ, и удобнѣе для насъ, чѣмъ все остальное».

Все эти указанія Императора уже не могли быть исполнены, ибо миръ уже былъ подписанъ 2-го сентября.

Продолженіе военныхъ дѣйствій. 25-го августа началось наступленіе нашихъ войскъ на Константинополь. Графъ Паленъ выдвинулся со 2-мъ корпусомъ до Киркилисы; онъ прибылъ 25-го августа въ Визу и выслалъ авангардъ въ Сарай. Отсюда онъ открылъ сообщеніе съ Черноморскимъ флотомъ, занявшимъ между тѣмъ Мидію и показывавшимся передъ входомъ въ Босфоръ, въ которомъ турецкій флотъ продолжалъ въ бездѣйствіи стоять на якорѣ ¹⁾.

На разсвѣтѣ 22-го августа выступилъ изъ Адрианополя 4-й Бугскій уланскій полкъ съ 4-мя орудіями конной роты № 27 въ Энось ²⁾. За этимъ отрядомъ слѣдовалъ генераль Сиверсъ съ Курляндскимъ и Смоленскимъ уланскими полками, каждый съ двумя конными орудіями № 28 роты. Населеніе повсюду встрѣчало наши войска дружелюбно, турки выдавали оружіе, а христіане умоляли о защитѣ.

Толпа конницы, подъ начальствомъ сына Салоникскаго паши, силою около 1,500 человекъ, была разсѣяна генераломъ Сиверсомъ. 26-го августа наши войска подошли къ Эносу и на другой день Аянь сдалъ эту крѣпость на капитуляцію; 54 пушки составляли трофей этого дѣла открывшаго для арміи сообщеніе съ Средиземнымъ моремъ.

Въ центрѣ, генераль Ротъ наступалъ съ 6-мъ корпусомъ по большой Константинопольской дорогѣ; 26-го августа онъ достигъ Эски-Бабы, а 27-го августа занялъ Люле-Бургасъ; авангардъ его занялъ Кариштиранъ и выслалъ разъѣзды въ Чорлу и Родосто.

Въ резервѣ оставался 7-й корпусъ, занимавшій Адрианополь.

Такимъ образомъ, передовыя части нашей арміи растянулись на протяженіи около 200 верстъ, упираясь правымъ флангомъ на

¹⁾ Еще ранѣе, 17-го августа, адмиралъ Грейгъ занялъ Инаду и Самаково.

²⁾ В У. А. № 2708 (А), рапортъ Дибича 30-го августа 1829 г. № 2837.

Эносъ, на берегу Эгейскаго моря, а лѣвымъ—на Мидію на берегу Чернаго моря.

Въ этомъ положеніи Дибичъ приказалъ войскамъ остановиться, такъ какъ 30-го августа, съ пріѣздомъ прусскаго посланника Ройера, явилась надежда на скорое заключеніе мира ¹⁾).

Однако, войскамъ 7-го пѣх. корпуса приказано было 31-го августа выступить къ Люле-Бургасу; но 31-го же августа движеніе это по приказанію Дибича было отмѣнено ²⁾).

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Турціи спокойствіе еще не совершенно было возстановлено.

Такъ, когда генераль Шереметевъ съ Курляндскимъ уланскимъ полкомъ и двумя конными орудіями № 28 роты подошелъ 5-го сентября къ Демотику, которую онъ долженъ былъ занять, то былъ встрѣченъ вооруженными жителями, не хотѣвшими впускать его въ городъ. Но такъ какъ генераль Шереметевъ уже зналъ, что 2-го сентября былъ заключенъ миръ, то не счелъ себя вправѣ дѣйствовать силою и донесъ о случившемся главнокомандующему.

Тогда изъ Адрианополя было выслано двѣ бригады 16-й дивизіи съ одной батареей и одной легкой ротами, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Сухозанета, командированнаго по Высочайшему повелѣнію въ дѣйствующую армію. По прибытіи этихъ войскъ въ Демотику жители были приведены къ покорности и городъ былъ нами занятъ.

Между тѣмъ и на западѣ начались осложненія. Здѣсь появился Скордскій паша съ значительнымъ отрядомъ. Болѣе подробно о дѣйствіяхъ его мы скажемъ въ особой главѣ—дѣйствія отряда генераль-адъютанта Киселева, а здѣсь упомянемъ только о томъ, что навстрѣчу этому пашѣ, наступавшему отъ Софіи черезъ Филиппополь на Адрианополь, Дибичъ приказалъ выдвинуться генералу Ридигеру съ его корпусомъ, который занялъ Мустафа-паша. Затѣмъ Кесе-Мерлидъ-паша, находившійся въ Хаскиоѣ (между Адрианополемъ и Филипполемъ) пытался пройти черезъ Демотику въ Узунъ-Кюпрю, который тоже находился въ раіонѣ, занятомъ нашими войсками будто бы для расположенія на зимнихъ квартирахъ; наконецъ въ Спливріи собрались турецкія войска и между прочимъ туда прибыли изъ Константинополя четыре полка, высланные сул-

¹⁾ Всеподданнѣйшее Дибича письмо отъ 30-го августа 1829 г. (Древняя и Новая Россія декабрь 1879 г., стр. 556).

²⁾ В. У. А. № 2864, историч. журналъ дѣйств. 7 пѣх. корпуса.

таномъ; эти войска намѣревались пройти въ Родосто черезъ линію нашихъ передовыхъ постовъ.

Въ виду этого, Дибичъ приказалъ выдвинуть войска въ Хаскію и Силиврѣи и 14-го сентября приказалъ объявить пашамъ, что онъ, наконецъ, вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ оружію. Наблюденіе за дѣйствіями Скордскаго пашы и дѣйствія противъ него были возложены на отрядъ ген.-адъют. Киселева ¹⁾).

17-го сентября уполномоченные Порты объявили о полученіи ими изъ Константинополя ратификаціи мирнаго договора и 19-го сентября генераль Ридигеръ вернулся съ своимъ корпусомъ къ Адріанополю, а 20-го сентября прибыла туда же большая часть войскъ изъ Демотики, гдѣ былъ оставленъ только небольшой отрядъ.

Возобновленіе перегово- 23-го августа изъ Адріанополя уѣхалъ
ровъ. курьеръ, посланный турецкими уполномоченными въ Константинополь, за новыми инструкціями. Когда въ Константинополь дошло извѣстіе о наступленіи нашихъ войскъ, то Порта рѣшила вновь обратиться къ посредничеству иностранныхъ дипломатовъ. Рейсъ-ефенди пригласилъ французскаго и англійскаго пословъ и прусскаго посланника Ройера на совѣщаніе. Они единогласно совѣтовали Портѣ подписать скорѣе миръ. Тогда турки просили, чтобы одинъ изъ пословъ отправился въ нашу главную квартиру для заявленія, отъ лица Порты, о согласіи ея на всѣ условія и съ просьбой о прекращеніи дальнѣйшаго наступленія нашихъ войскъ на Константинополь. Но послы уклонились отъ этого, считая, что они не имѣютъ права дѣйствовать въ качествѣ личныхъ посредниковъ.

Тогда турецкіе министры, поддержанные французскимъ и англійскимъ послами, настоятельно убѣждали прусскаго посланника взять на себя эту обязанность и такимъ образомъ докончить дѣло, начатое генераломъ Мюффлингомъ, который 24-го августа уже уѣхалъ изъ Константинополя. Ройеръ также уклонялся отъ этого порученія, такъ какъ цѣль посылки генерала Мюффлинга заключалась только въ облегченіи обѣимъ сторонамъ начала мирныхъ переговоровъ. Тогда султанъ письменно просилъ прусскаго посланника отправиться въ нашу главную квартиру и Ройеръ вынужденъ былъ наконецъ согласиться, тѣмъ болѣе, что къ просьбѣ султана вновь присоединились французскій и англійскій послан-

¹⁾ Дибичъ Киселеву 15-го сентября 1829 г., № 3005. (Изъ бумагъ гр. Киселева).

ники и вручили ему письма ихъ къ Дибичу. 28-го августа Ройеръ отправился въ Родосто и оттуда поѣхалъ верхомъ въ Адрианополь, куда прибылъ 30-го августа. Ройеръ немедленно былъ принятъ Дибичемъ и вручилъ ему, документъ, подписанный англійскимъ посланникомъ Гордономъ и французскимъ графомъ Гильемино, содержащій заявленіе Порты, подтвержденное послами, что движеніе нашихъ войскъ на Константинополь положить конецъ существованію Оттоманской имперіи ¹).

Это посредничество прусскаго посланника увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. По донесенію Дибича Императору Николаю «заключенію мира много способствовало отправленіе генерала Мюффлинга въ Константинополь; его сдержанная и дружественная дѣятельность, равно какъ усилія г. Ройера, продолжавшаго съ успѣхомъ то, что было начато генераломъ; они дали въ Константинополѣ ясное и истинное понятіе относительно нашихъ намѣреній съ самаго начала переговоровъ; слѣдуя затѣмъ приказаніямъ и заявленіямъ Вашего Величества, мы были въ состояніи ускорить окончаніе нашихъ сдѣлокъ ²)».

Такимъ образомъ, 30 августа выяснилась возможность заключить миръ и Дибичъ донесъ Императору Николаю, что въ этотъ день онъ можетъ *«возвѣстити увѣренность въ заключеніи славнаго мира»*.

Какъ мы видѣли раньше, въ этотъ день у нашего главнокомандующаго составилось, на основаніи точныхъ данныхъ, твердое убѣжденіе, *«что движеніе нашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положитъ конецъ существованію Оттоманской имперіи»*, но, несмотря на такое убѣжденіе *«онъ счелъ нужнымъ оостановитъ движеніе генерала Рота и графа Палена»*. Въ это время 6-й корпусъ находился въ Люле-Бургасѣ, занявъ Каршти-ранъ и Чорлу, а 2-й корпусъ занималъ Визу, имѣя авангардъ въ Сараѣ ³).

Подписаніе мира.

Наконецъ 2-го сентября послѣ обѣда въ Адрианополѣ, въ одной изъ залъ Эски-Сарая, былъ подписанъ адрианопольскій трактатъ ⁴).

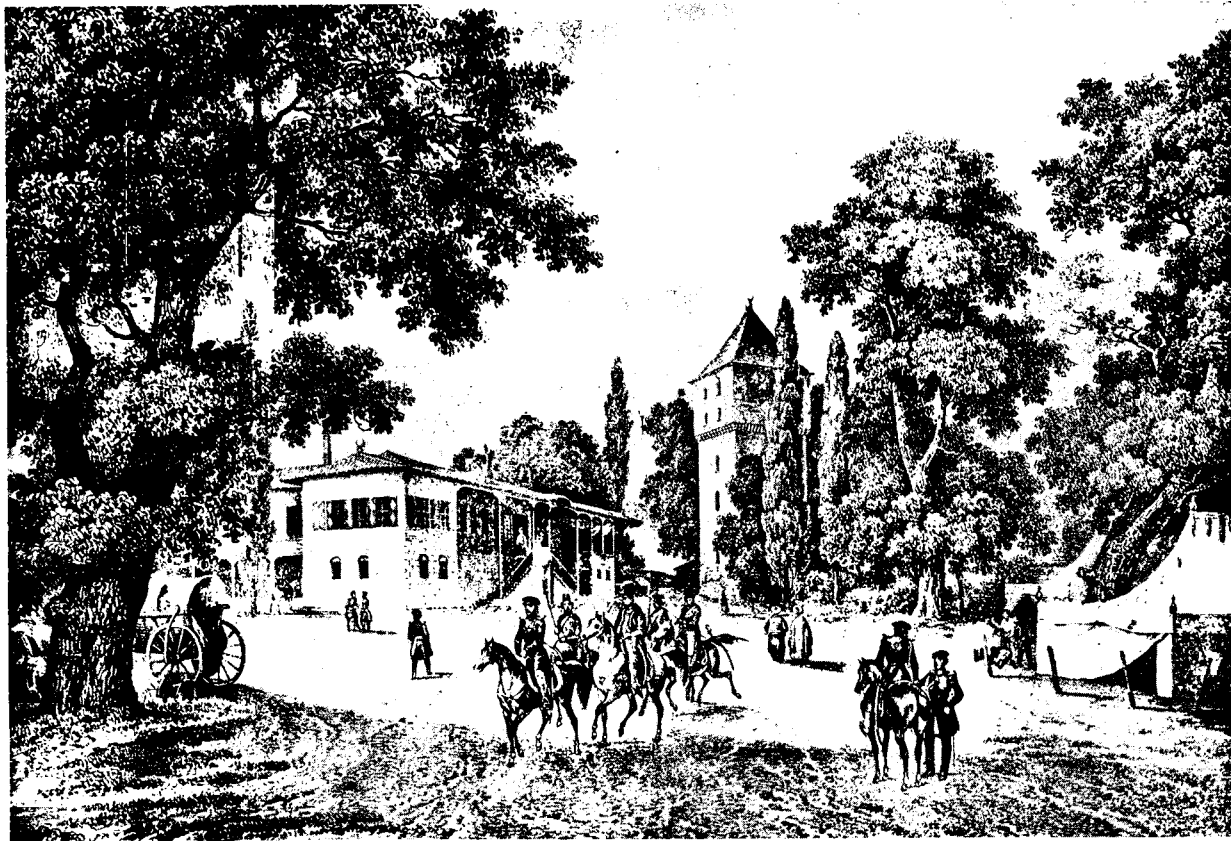
Донося объ этомъ Государю, Дибичъ писалъ, что «нѣтъ сомнѣнія ратификація трактата будетъ немедленно доставлена Портою ⁴)».

¹) Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 30-го августа. 1829 г.

²) Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 30 августа 1829 г. (Др. и Нов. Россія, декабрь 1879 г., стр. 556).

³) См. приложение № 23.

⁴) Всеподданнѣйшее письмо Дибича 3 сентября 1829 г., Адрианополь (Древ. и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 556).

Эски-Сарай, главная квартира русской армии.

Но въ этомъ отношеніи нашъ главнокомандующій ошибся и прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ турки ратификовали этотъ трактатъ.

Содержаніе адрианопольскаго трактата. Сущность адрианопольскаго трактата заключалась въ слѣдующемъ:

Россія приобрѣтала всѣ острова, находившіеся въ дельтѣ Дуная, но правый берегъ рѣки оставался по прежнему во владѣніи турокъ, причемъ на островахъ этихъ не разрѣшалось возводить укрѣпленій. Въ Азіи мы приобрѣтали Анапу, Ахалцыхъ и Ахалкилаки, а также часть территоріи близъ этихъ пунктовъ.

Отдѣльнымъ актомъ было постановлено, что Молдавія и Валахія составятъ вассальныя княжества съ собственнымъ управленіемъ и съ обязательствомъ платить Турціи дань; границей между княжествами и Турціей долженъ былъ служить Дунай, причемъ турки должны были сдать всѣ города и крѣпости на лѣвомъ берегу этой рѣки. Въ предѣлахъ княжества не могъ жить ни одинъ мусульманинъ, за исключеніемъ купцовъ. Порта обязалась возратить Сербіи шесть округовъ, отъ нея отторгнутыхъ, и навсегда обезпечить спокойствіе и благосостояніе сербскаго народа. Она обязалась очистить сербскую территорію въ продолженіе 18 мѣсяцевъ (за исключеніемъ мусульманъ, бывшихъ въ Бѣлградѣ и Новой Орсовѣ). Христіанскому населенію Сербіи были обезпечены свобода вѣроисповѣданія, народное и независимое управленіе, безопасность личности и свобода торговли.

Далѣе Турція предоставила русскимъ подданнымъ полную свободу торговли въ своихъ земляхъ и полную свободу плаванія по Черному морю. Босфоръ и Дарданеллы должны были быть открыты купеческимъ судамъ всѣхъ націй. Вознагражденіе за убытки, причиненные нашей торговлѣ было опредѣлено въ полтора милліона голландскихъ червонцевъ, съ обязательствомъ уплатить ихъ въ полтора года.

Что касается до вознагражденія за военные расходы, то рѣшено было, что Порта заплатитъ сумму денегъ, *«какая опредѣлена будетъ съ общаю согласіемъ»*.

Какъ мы знаемъ, вопросъ о денежномъ вознагражденіи встрѣтилъ со стороны турокъ наибольшія возраженія и вызвалъ прерывъ въ переговорахъ. Турки ссылались на свою бѣдность и невозможность принять такое условіе, которое имъ не по силамъ будетъ исполнить. И дѣйствительно тотчасъ-же по подписаніи трактата уже встрѣтились затрудненія въ уплатѣ установленнаго вознагражденія.

Донося государю о подписаніи трактата, Дибичъ писалъ, «что турецкіе уполномоченные заявили, что въ настоящее время правительство ихъ рѣшительно не имѣетъ денегъ», поэтому просить уплатить въ первый мѣсяцъ 100,000 и остальные въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ. Что же касается до вознагражденія за военныя издержки, то турки обязуются уплачивать его такъ, какъ это будетъ благоугодно Вашему Величеству».

«До окончанія уплаты контрибуціи наши войска займутъ княжества и Силистрію; они останутся также въ сѣверной части Румелии, между Балканами и горами Странджи, до апрѣля мѣсяца 1830 г., а въ Болгарію до 1 сентября того-же года. Я полагаю, что это составляетъ необходимое условіе въ виду непрочнаго положенія Оттоманской имперіи и особенно султана»¹⁾.

Наконецъ адрианопольскимъ трактатомъ Порты признала постановленія лондонскаго договора 24 іюня (6 іюля) 1827 г. и протокола 10 (22) марта 1829 г. относительно будущей участи Греціи; немедленно по размѣнѣ ратификаціи адрианопольскаго договора Порты должна была назначить уполномоченныхъ для соглашенія съ полномочными отъ русскаго, французскаго и англійскаго правительствъ для приведенія въ исполненіе постановленія лондонскаго договора и протокола 10 марта 1829 г.

Признаніе со стороны Турціи независимости Греціи было важнѣе всякой территоріальной уступки. Какъ бы ни были стѣснены границы новаго греческаго государства, но уже одно существованіе его служило примѣромъ, увѣнчавшагося успѣхомъ возстанія, для сотни тысячъ грековъ, разсѣянныхъ по другимъ областямъ Турціи. Всѣ недовольные христіанскіе подданные султана могли теперь надѣяться найти помощь извнѣ. Къ этому нужно еще прибавить, что турецкій флотъ пополнялся главнымъ образомъ изъ жителей Мореи и Цикладовъ. Такимъ образомъ, послѣ утраты этихъ областей турецкій флотъ лишился этого источника своего комплектованія.

Такова сущность содержанія адрианопольскаго договора и достигнутыхъ нами успѣховъ.

Не лишнее отмѣтить, что адрианопольскій трактатъ былъ объявленъ во всеобщее свѣдѣніе только въ концѣ ноября; такимъ образомъ, общее содержаніе трактата и подробности не были извѣстны въ Европѣ до этого времени; приблизительно было извѣст-

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 3 сентября 1829 г. (Др. и Нов. Россія декабрь 1879 г., стр., 557).

но содержаніе только главныхъ статей, въ особенноти тѣхъ, которыя Порты вынуждены были принять несмотря на ея сопротивленіе. Но о заключеніи отдѣльнаго акта о княжествахъ европейскимъ державамъ извѣстно не было ¹⁾).

Изъ статей договора невольно обращаетъ на себя вниманіе статья о вознагражденіи. Наши уполномоченные особенно настаивали на этомъ вознагражденіи, хоть очень хорошо знали затруднительное финансовое положеніе Порты и легко могли предвидѣть, что уплата условленныхъ суммъ будетъ затруднительна и вызоветъ недоразумѣнія, проволочки и пр.

Правда, что неуплата контрибуціи давала намъ право оккупациі и Дибичь, какъ мы видѣли, писалъ государю 3 сентября «что это составляетъ необходимое условіе, въ виду непрочнаго положенія Оттоманской имперіи и особенно самого султана». Изъ всего этого легко сдѣлать выводъ, что самая настойчивость наша относительно вознагражденія была основана главнымъ образомъ на желаніи имѣть предлогъ для вмѣшательства въ турецкія дѣла; такое предположеніе тѣмъ болѣе основательно, что размѣръ вознагражденія не могъ имѣть для насъ особеннаго значенія, въ виду незначительности суммы.

Но что наше правительство не имѣло такихъ замаскированныхъ намѣреній, это видно изъ письма императора Николая Дибичу отъ 10 сентября ²⁾).

«Изъ письма вашего Чернышеву усматриваю, что вы полагаете во всякомъ случаѣ зимовать съ войсками по ту сторону Балканъ. Я прекрасно понимаю основанія, которыя васъ къ сему побуждаютъ; но было-бы хорошо однако возвратить все, что признано будетъ возможнымъ. Это составило-бы большую экономію и они ³⁾ могли-бы возвращаться на судахъ флота, по крайней мѣрѣ, часть».

Понятно, что еслибы государь желалъ имѣть предлогъ для вмѣшательства въ турецкія дѣла, то онъ не совѣтывалъ-бы своему главнокомандующему уменьшить число нашихъ войскъ за Балканами.

Черезъ два дня, 12 сентября, государь писалъ Дибичу: «теперь, любезный другъ, я снова самымъ положительнымъ образомъ тре-

¹⁾ Paul Laciz. Néstoire de Nicolees I, t. IV. p. 375.

²⁾ Императоръ Николай—Дибичу 10 сентября 1829 г., Акександріи (Древняя и Новая Россія, декабрь 1829 г.).

³⁾ Т. е. войска.

бую отъ васъ, чтобы допустить занятіе княжествъ въ видѣ гарантіи отнюдь не дальше, чѣмъ на одинъ годъ. Бога ради, займитесь возвращеніемъ возможно большаго количества войскъ, оставивъ себѣ только крайне необходимое число. Прикажите также Гейдену, чтобы онъ половину своей эскадры отправилъ на зимовку во Францію¹).

Въ письмѣ отъ 22 сентября государь вновь писалъ Дибичу: «старайтесь возвращать войска, мною требуемая; ежели обстоятельства даже снова переменятся, то всегда можно будетъ васъ своевременно усилить»²).

Эти строки служатъ еще разъ неоспоримымъ доказательствомъ, что Императоръ Николай не преслѣдовалъ никакихъ тайныхъ намѣреній относительно вмѣшательства въ турецкія дѣла и нисколько не думалъ о томъ, чтобы воспользоваться «непрочнымъ положеніемъ Оттоманской имперіи и самаго султана», какъ это думалъ сдѣлать Дибичъ.

Условіями адрианопольскаго трактата государь остался чрезвычайно доволенъ. Получивъ утромъ 11 сентября письмо Дибича отъ 30 августа, въ которомъ была выражена «увѣренность въ заключеніи славнаго мира, государь писалъ Дибичу 12 сентября: «любезный другъ, не могу иначе начать мое посланіе, какъ поблагодаривъ Бога, сказать вамъ bravo, bravo и bravo. Мой отвѣтъ—Св. Георгій первой степени, который вамъ посылаю; вы его вполне заслужили! Теперь еще разъ искренно благодарю за вашъ образъ дѣйствій, столь-же твердый и искусный, сколь благородный и умѣренный. Положеніе ваше достойно главнокомандующаго русской арміи, стоящей у вратъ Константинополя. Въ военномъ отношеніи оно баснословно и воображеніемъ едва можно себѣ его представить: правый флангъ, опирающійся на флотъ посланный изъ Кронштадта, лѣвый—на севастопольскій флотъ; прусскій посланникъ, являющійся въ вашу главную квартиру и приносящій мольбы султана и свидѣтельство о гибели, подписанное посланниками Франціи и Англій. Послѣ этого остается только сказать: Великъ Богъ Русскій и спасибо Забалканскому».

Когда-же государь получилъ извѣстіе о заключеніи мира, то онъ писалъ Дибичу 22 сентября:

¹ Императоръ Николай-Дибичу, 12 сентября 1829 г. Александія (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 561).

² Императоръ Николай—Дибичу, 22 сентября 1829 г., Петербургъ, (Древн. и Новая Россія, 1879 г., стр. 567).

«Возблагодаривъ Всемогущаго на Марсовомъ полѣ, среди войскъ и огромной толпы, обращаюсь къ вамъ, любезный другъ, съ душевной благодарностью за счастливый копецъ, увѣнчавшій вашу блестящую кампанію.

«Адрианонопольскій миръ—самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы сдумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны; наша умѣренность закроетъ рты всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ совѣстью. Еще разъ спасибо, на всю жизнь. Чинъ фельдмаршала. пожалованный вамъ сегодня, принадлежитъ вамъ по праву»¹⁾).

Хотя Россія по Адрианопольскому трактату получила немного, но Турція потеряла очень много. Отъ нея фактически были отторгнуты Греція, Сербія и княжества; срытіе крѣпостей лѣваго берега Дуная ослабляло оборонительное значеніе этой рѣки; далѣе война стоила Турціи большихъ средствъ и ей нелегко было оправиться послѣ всѣхъ перенесенныхъ потрясеній. Наконецъ однимъ изъ самыхъ неприятныхъ результатовъ войны, было уничтоженіе новой арміи; война съ Россіей погубила вновь сформированную турецкую армію, обученную съ такимъ трудомъ; но что несравненно было плачевнѣе — она уронила значеніе этой реформы въ глазахъ мусульманъ. Если-бы Турція могла пользоваться миромъ въ продолженіе десяти лѣтъ послѣ уничтоженія янычаръ, то военное созданіе султана Махмуда могло бы до нѣкоторой степени окрѣпнуть. Но Россія предупредила всѣ его намѣренія; она задушила военную реформу въ самомъ зародышѣ и надолго поколебала военное могущество Турціи.

Подписывая адрианопольскій трактатъ, султанъ тѣмъ самымъ признавалъ подорваннымъ стремленіе всей своей жизни. Для проведенія реформы пролиты были потоки крови, уничтожены древнія учрежденія и святыя обычаи родины, поколеблены вѣрованія и гордость народа. А между тѣмъ судъ Божій осудилъ начинанія султана. Если принять все это во вниманіе, то станетъ понятнымъ почему несчастный повелитель правовѣрныхъ проливалъ слезы, подписывая адрианопольскій трактатъ и, сраженный горемъ, заперся на нѣсколько недѣль въ своемъ дворцѣ, въ Терапіи.

Турки медлятъ ратификовать договоръ. И такъ, адрианопольскій договоръ былъ подписанъ 2 сентября и Дибичъ, донося объ этомъ государю, писалъ Его Величеству, 3 сентября, что «нѣтъ

¹⁾ Императоръ Николай—Дибичу 22 сентября 1829 г., Петербургъ, (Древняя и Новая Россія, декабрь 1872 г., стр. 566).

сомнѣнія, что ратификація трактата будетъ немедленно доставлена Портою».

Но надежда нашего главнокомандующаго на скорую ратификацію мира турецкимъ правительствомъ не оправдалась и прошло не мало времени, прежде чѣмъ Порто дала свою ратификацію.

Начались обычные въ такихъ случаяхъ проволочки подъ разными предлогами, уклончивые отвѣты, ссылка на то, что уполномоченные не имѣютъ достаточныхъ инструкцій и т. д.

Все это заставило Дибича быть очень на сторожѣ и принять мѣры, на случай отказа турокъ отъ ратификаціи договора. Изъ числа этихъ мѣръ нельзя не отмѣтить слѣдующее приказаніе Дибича, данное имъ Красовскому 15 сентября¹⁾:

«Утвержденіе султаномъ мира, здѣсь заключеннаго и подписаннаго его полномочными, не подлежитъ почти никакому сомнѣнію и по послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Константинополя, ратификація должна выслана быть въ главную квартиру мою въ самомъ непродолжительномъ времени; не менѣе того предусмотрительность заставляетъ не упускать изъ виду возможности возобновленія по какому-либо непредвидимому случаю военныхъ дѣйствій и, желая не пренебречь ни однимъ обстоятельствомъ, могущимъ споспѣшествовать пользамъ нашимъ, я обратилъ особенное вниманіе на извѣстія, сообщенныя мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ о сношеніяхъ, въ которыя пытались взойти съ вами Великій визирь и Гуссейнъ-паша, о неудовольствіяхъ, которыя они питаютъ и о опасностяхъ, внушаемыхъ имъ будущему судьбою.

«Въ слѣдствіе сего я поручаю Вашему Превосходительству отобрать тайнымъ образомъ и со всею возможною осторожностью, отъ сихъ двухъ турецкихъ военно-начальниковъ обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія о будущихъ ихъ намѣреніяхъ, особливо въ предположеніи возгоранія вновь войны, едва прекратившейся между Россією и Турцією.

«Сколь-же полезны могутъ быть сіи свѣдѣнія, я долгомъ считаю замѣтить Вашему Превосходительству, что нѣтъ нужды входить вамъ въ непосредственное сношеніе съ великимъ визиремъ и Гуссейнъ-пашею и что еще менѣе было-бы благоразумно принять на насъ какія либо положительныя обязательства.

«Ваше Превосходительство почувствуете сами истину сего. Ваша проникательность укажетъ Вамъ на средства достигнуть желаемой цѣли, не подавая и повода снмъ турецкимъ военно-начальникамъ

¹⁾ Государственный Архивъ, № 703, графъ Дибичъ ген. Красовскому, 15 сентября 1829 г. изъ Адрианополя.

предполагать, что мы имѣемъ какіе либо виды на ихъ будущее содѣйствіе, а мудрость, которою запечатлѣны всѣ ваши дѣйствія, служить мнѣ порукою, что тайна сихъ переговоровъ не только будетъ свято сохранена, но что вы не упустите ни одной мѣры необходимой осторожности при сношеніяхъ сего рода».

18 сентября Дибичъ писалъ императору Николаю о ходѣ переговоровъ, «что наконецъ вчера турецкіе уполномоченные заявили оффиціально нашимъ, что къ нимъ прибыла отъ ихъ правительства ратификація и что вообще они начинаютъ обнаруживать большое усердіе для выполненія установленныхъ мирныхъ условій, безъ чего они должны ясно предвидѣть, что имъ не уступятъ ни одной пяди земли.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ я очень опасуюсь, чтобы невыносимая медленность турокъ не заставила-бы ихъ еще надѣлать глупостей, что, къ великому неудовольствію нашему, замедлитъ выступленіе войскъ, столь нуждающихся въ продолжительномъ отдыхѣ»¹⁾).

Несмотря однако на всѣ усилія съ нашей стороны, не смотря на угрозы, а отчасти и уступки, переговоры о ратификаціи мирнаго договора шли крайне медленно. Казалось, что турки раскаявались въ томъ, что заключили миръ съ Россіею, когда, быть можетъ, еще можно было продолжать войну.

24 сентября Дибичъ писалъ императору Николаю²⁾, «что дипломатическія дѣла идутъ довольно успѣшно, хотя съ нестерпимою медленностью, свойственною вообще оттоманамъ, при веденіи своихъ дѣлъ. Эта особенность была весьма полезна намъ въ военное время, но становится весьма непріятною при мирныхъ сношеніяхъ, когда нужно требовать съ ихъ стороны выполненія данныхъ обѣщаній. Тѣмъ не менѣе я льщу себя надеждою, что иногда при помощи угрозъ, иногда оказывая имъ маленькія одолженія, оставаясь однако всегда вѣрнымъ буквѣ трактата, мы окончимъ все дѣло дружелюбнымъ образомъ; особенно, если Ваше Императорское Величество удостоите приять посольство Галиль-паши, о которомъ они, какъ кажется, очень озабочены и въ принятіи котораго я не вижу никакого неудобства. Говорятъ, что онъ человѣкъ очень обыкновенный, обладающій, однако, хорошими манерами и даже немного знающій французскій языкъ. То обстоятельство, что онъ недавно сдѣлался зятемъ султана возвышаетъ его въ политическомъ

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 18 сентября 1829 года, Адрианополь, (Древняя и Нов. Россія, декабрь 1859 г., стр. 565).

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 24 сентября 1829 года, Адрианополь (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 568).

отношеніи; до этого времени онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей по сформированію регулярныхъ войскъ, но главнымъ образомъ, какъ усыновленный любимецъ Хозрева-паши, единственнаго человѣка, отличающагося своими выдающимися качествами въ Константинополь и удостоеннаго полного довѣрія султана, благодаря какъ твердости и усердію, выказанными противъ разныхъ заговорщиковъ, такъ и прозорливости, съ которой онъ совѣтовалъ не начинать войны съ Россіей, хотя онъ, какъ говорить къ намъ не расположенъ».

Намѣреніе турецкаго правительства послать къ русскому государю особаго посла не особенно понравилось императору Николаю, который 13 октября писалъ Дибичу¹⁾, что онъ «дозволяетъ допустить пріѣздъ турецкаго посла только въ крайнемъ случаѣ и что это можетъ состояться только тогда, если окажется невозможнымъ поступить иначе, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ здѣсь для того, чтобы просить, какъ Хозревъ-мирза, о смягченіи условій, и безъ того достаточно мягкихъ».

Въ письмѣ отъ 3 октября Дибичъ вновь убѣдительно просилъ Государя принять посольство Галиль-паши. «Я осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество, писалъ Дибичъ²⁾, не отказать султану Махмуду въ томъ удовольствіи, которое доставило-бы ему посольство его зятя къ Вашему Императорскому Величеству. Для его самолюбія и для благихъ намѣреній, которыя онъ связываетъ съ этимъ посольствомъ, отказъ причинилъ-бы ему, по моему мнѣнію, кровную обиду; издержки Порты для этой цѣли могли-бы быть щедровазнаграждены прощеніемъ 6 миліоновъ дукатовъ; наконецъ, Ваше Величество, я осмѣливаюсь просить объ этомъ съ тою полною откровенностью, которую Вы внушили мнѣ съ 1 января 1826 года и которая съ каждымъ днемъ увеличивалась, благодаря Вашей безграничной милости, — откажитесь съ достойнымъ Васъ милосердіемъ отъ униженія побѣжденнаго врага, уничтоженіемъ флота, что умолить и уронить его въ глазахъ подданныхъ, между тѣмъ какъ вы можете создать флотъ въ два года, безъ особенно большихъ издержекъ. Столь великодушный даръ можетъ только возбудить благодарность самихъ оттомановъ, которыхъ вы поддерживаете тѣмъ самымъ на ихъ колеблющемся престолѣ».

¹⁾ Императоръ Николай—Дибичу. 13 октября 1829 г., Петербургъ, (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 578).

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича, отъ 3 октября 1829 г., Адрианополь. въ полномъ (Древн. и Нов. Россія, декабрь 1879 г., стр. 575).

Черезъ пять дней, 8 октября, Дибичъ доносилъ государю о ходѣ переговоровъ и вновь настаивалъ на приѣмѣ турецкаго посла.

«Кажется, писалъ Дибичъ ¹⁾, что диванъ рѣшился, наконецъ, нѣсколько поспѣшить выполненіемъ своихъ обязательствъ и что наши твердыя и основанныя на буквѣ трактата деклараціи, открыли, наконецъ, глаза этимъ неподвижнымъ людямъ. Утверждаютъ, однако, что султанъ, довольный разказами Ахмедъ-бея о томъ, что онъ, слышалъ и видѣлъ здѣсь, а можетъ быть менѣе удовлетворенный духомъ, царствующимъ среди албанцевъ, самъ продиктовалъ ноту дивана къ турецкимъ уполномоченнымъ, которые выражаютъ большое довѣріе нашей честности. Это важный шагъ и я рассчитываю очень, что Орловъ можетъ окончить или, по крайней мѣрѣ, направить это дѣло; но, чтобы выиграть его, я снова умоляю Ваше Величество, не отказывать въ приѣмѣ Галиль-паши, который своимъ вліяніемъ на Хозревъ-пашу и даже на самого султана, можетъ сдѣлаться весьма полезнымъ орудіемъ для нашихъ интересовъ въ Константинополь, оставаясь въ тоже время вѣрнымъ слугою своему государю».

«Такъ какъ первые 100,000 дукатовъ находятся уже въ дорогѣ и, вѣроятно, уже въ нашемъ районѣ и такъ какъ для Сербіи изданъ гатишерифъ, то полагаю, что мнѣ скоро представится возможность оставить Адрианополь, ибо надѣюсь, что турки не замедлятъ сдать Журжево, когда великій визирь (человѣкъ, который, несмотря на свою храбрость, стоитъ ниже всякой посредственности и которому уже двѣ недѣли тому назадъ султанъ велѣлъ сдать эту крѣпость) получить отъ турецкихъ уполномоченныхъ весьма убѣдительныя заявленія и особенно послѣ настойчивыхъ декларацій, которыя ему предложить Красовскій и извѣстій, что албанскія надежды, которыя онъ возлагалъ на Мустафу—пашу, уменьшились уже на двѣ трети, такъ какъ войска его разбѣжались, чтобы возвратиться домой, какъ только они замѣтили, что ихъ паша былъ вынужденъ остановиться».

Отвѣчая на это письмо, Государь писалъ Дибичу 29 октября ²⁾: «предложеніе принять Галиль-пашу совершенно основательно, такъ же какъ и способъ вести переговоры съ турками, дабы достигъ желаемыхъ нами перемѣнъ. Но весьма необходимо стараться, по возможности привести все къ окончанію *у васъ*, или черезъ Орлова, а если дѣло коснется важныхъ перемѣнъ—черезъ Галиль-пашу:

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 8 октября 1829 г., Адрианополь (Др. и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 576).

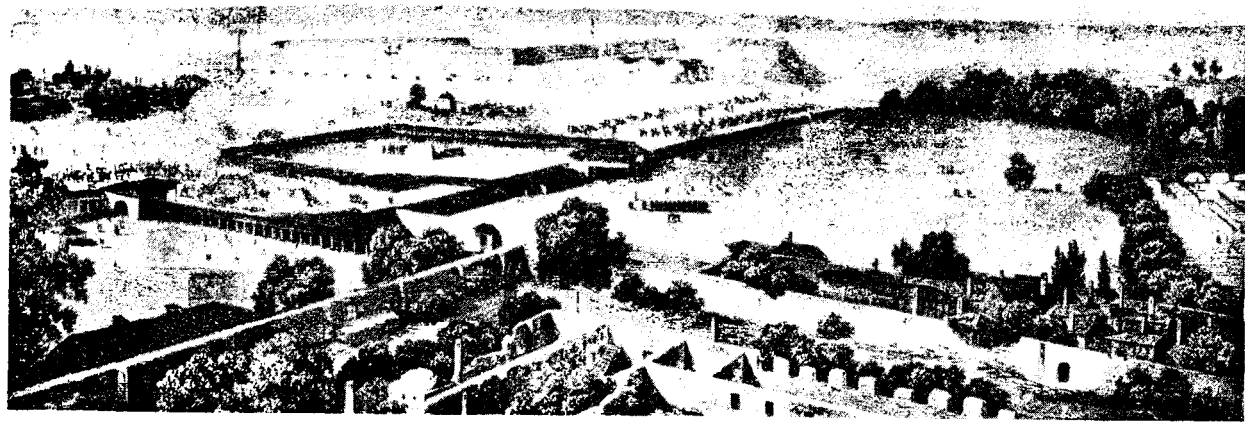
²⁾ Императоръ Николай Дибичу, 29 октября 1829 г., С.-Петербургъ (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 582).

Богу извѣстно, къ чему все это привести насъ можетъ. Сущность дѣла требуетъ, чтобы, ничего не портя, стараться какъ можно скорѣе окончить. Любезнѣйшій сэръ Артуръ дѣйствуетъ позорище, чѣмъ когда либо; будучи обманутъ Полиньякомъ, на котораго онъ рассчитывалъ, онъ взбѣшенъ на него. Всетаки у насъ впереди восемь мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ не можетъ предпринять ничего серьезнаго, въ случаѣ если ему придетъ фантазія, что считаю возможнымъ, ежели не воспрепятствуютъ ему затрудненія въ парламентѣ».

Дѣло о посылкѣ Галиль-паши посломъ въ въ Россію получило совершенно неожиданный для насъ оборотъ. Мы уже видѣли, что императоръ Николай соглашался принять Галиль-пашу только въ такомъ случаѣ, если рѣшительно нельзя будетъ придти къ соглашенію на утвержденіе портою Адрианопольскаго договора. Затѣмъ государь выразилъ желаніе, чтобы до отправленія этого посольства султанъ принялъ гр. Орлова, которому поручено было добиться согласія султана на всѣ условія договора; при такихъ условіяхъ посольство Галиль-паши должно было имѣть исключительно характеръ акта вѣжливости и избавляло государя и наше правительство отъ веденія переговоровъ съ нимъ, что должно было привести только къ затягиванію дѣла. Между тѣмъ, Порта распорядилась иначе и 31 октября Дибичъ писалъ государю,¹⁾ что онъ получилъ депеши отъ прусскаго посланника Ройера, «содержавшія неожиданное извѣстіе о томъ, что, не смотря на все то, что Дибичъ велѣлъ передать Портѣ о миссіи Галиль-паши, и послѣ того, какъ она извѣстила, что будетъ ожидать пріѣзда графа Орлова, она вдругъ постановила въ полномъ собраніи дивана, немедленно отправить Галиль-пашу въ Одессу и что онъ садится уже на корабль; при этомъ Галиль-паша былъ облеченъ званіемъ чрезвычайнаго посла въ отвѣтъ на назначеніе гр. Орлова».

«Очень жаль, писалъ Дибичъ, что генераль Мюффлингъ возбудилъ это дѣло и посовѣтовалъ отправить посольство, не спросивъ насъ; я могу только хвалить твердость, съ которою Ройеръ говорилъ въ этомъ случаѣ; но такъ такъ какъ, весьма вѣроятно, что султанъ не обратилъ вниманія на его протестъ, и Галиль-паша, можетъ быть, уже уѣхалъ, то я тороплюсь предупредить гр. Воронцова курьеромъ

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 31 октября 1829 г., Адрианополь (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 583).

Молебствіе въ Адріанополѣ по случаю заключенія мира.

о ходѣ этого дѣла, чтобы онъ задержалъ этихъ господъ приличнымъ образомъ въ карантинѣ, что дастъ возможность снабдить его необходимыми инструкціями относительно дальнѣйшаго хода дѣла, соотвѣтственно съ указаніями Вашего Императорскаго Величества».

«Если тѣмъ временемъ господа эти не встрѣтятъ пріема, который, какъ говорятъ, готовятъ Орлову, то это произойдетъ по ихъ собственной винѣ. Что касается требованій и просьбъ, которыя можетъ представить Галиль-паша, то мнѣ кажется, что можно бы внушить ему, во время его пребыванія въ карантинѣ, что рѣшеніе ихъ будетъ всецѣло зависеть отъ успѣха переговоровъ съ турками, которые возложены на гр. Орлова, причѣмъ не сообщать ему ничего относительно ихъ содержанія. Въ то же время мы приложимъ всевозможныя старанія, чтобы узнать данныя ему инструкціи и сообщить ихъ вице-канцлеру».

Ратификація мира. Наконецъ 16 октября состоялась ратификація адрианопольскаго договора съ турецкой стороны.

Въ этотъ-же день въ Адрианополѣ, въ дворцѣ Эски-Сарай, гдѣ жилъ нашъ главнокомандующій, былъ совершенъ торжественный размѣнъ ратификацій мирнаго догора въ присутствіи генераловъ и офицеровъ дѣйствующей арміи. ¹⁾ 18 октября Дибичъ послалъ турецкія ратификаціи адрианопольскаго договора императору Николаю съ полковникомъ Будбергомъ. Въ тотъ-же день Дибичъ писалъ государю: «теперь я ожидаю каждый день извѣстія о занятіи Журжева, ибо полагаю, что великій визирь не въ состояніи попрежнему замедлять дѣла, хотя я этого всетаки опасуюсь, вслѣдствіе личныхъ связей визиря съ Скодскимъ пашею, послѣ заявленій покорности послѣдняго и новаго султанскаго фирмана, который я поддержалъ своею весьма рѣшительною деклараціею, состоящею въ томъ, что отрядъ генерала Киселева (который сильно затрудняетъ сообщенія турокъ съ Шумлою и подвозъ продовольствія) не покинетъ Габрова, а я Адрианополя, пока не получитъ извѣстіе о сдачѣ Журжева. Послѣ этой сдачи, генералы Гейсмаръ, Киселевъ и Красовскій прикажутъ начать отступленіе за Дунай, причѣмъ послѣдній оста-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ источникахъ указано, что обмѣнъ ратификацій состоялся 17 октября; это опровергается письмомъ Дибича отъ 16 октября къ императору Николаю (В. 4. А. № 2895 А), отд. 2 всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 15 и 16 октября 1829 г., изъ Адрианополя, въ которомъ сказано, что обмѣнъ ратификацій состоялся 16 октября, а въ письмѣ къ Чернышеву 16 октября (В. 4. А. № 4445) Дибичъ писалъ: «завтра будетъ обмѣнъ ратификацій».

нется съ 10-ю и 11-ю дивизіями и одною гусарскою бригадою между Балканами и Дунаемъ, преимущественно въ Варнѣ и Силистріи, занявъ казаками линію отъ Ченги и Енибазара къ Туртукаю. Я самъ оставляю Адрианополь, чтобы расположить войска на зимнія квартиры, оберегая съ помощью казаковъ полукругъ, начиная съ Ченги, Доброля, Казана, Эски-Загры, Енаджели, Буюкъ-Дербента и кончая Василико и Ахтіобаломъ.

«Тотчасъ по занятіи Журжева, графъ Орловъ отправится въ Константинополь, чтобы исполнить возложенное на него Вашимъ Величествомъ порученіе и начать переговоры относительно возможныхъ перемирій для гарантій и военнаго вознагражденія».

Такимъ образомъ, со стороны турокъ осталось неисполненнымъ только одно важное условіе—это очищеніе Журжево.

Сдача Журжи. Наконецъ, 4 ноября Дибичъ получилъ письмо отъ великаго визиря съ извѣщеніемъ генерала Лашкарева о сдачѣ 30 октября¹⁾ нашимъ войскамъ однихъ воротъ и двухъ бастіоновъ Журжи и о быстротѣ, съ которой турки стараются очистить ее.

Донося объ этомъ Государю, Дибичъ писалъ, что войска уже направлены на зимнія квартиры и что въ Адрианополѣ осталось только двѣ бригады 16-й пѣх. дивизіи, съ которыми Главнокомандующій рѣшилъ выступить изъ Адрианополя 8 ноября, ровно черезъ три мѣсяца послѣ занятія этого города.

Главную квартиру Дибичъ рѣшилъ перенести въ Бургасъ.

Въ тотъ-же день долженъ былъ выѣхать въ Константинополь гр. Орловъ для врученія султану собственноручнаго письма Императора Николая²⁾.

Выступленіе Дибича изъ Адрианополя. Наканунѣ выступленія изъ Адрианополя, Дибичъ послалъ каймакаму-пашѣ значительную сумму денегъ для раздачи бѣднымъ. На другой день явились къ главнокомандующему почетнѣйшіе жители Адрианополя, съ выраженіемъ благодарности за великодушное отношеніе русскихъ войскъ къ жителямъ и въ тоже время они сдѣлали заявленіе

¹⁾ В. У. А. № 2708 (А) Дибичъ — графу Чернышеву 6 ноября 1829 года изъ Адрианополя.

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 6 ноября 1829 года, Адрианополь, (Д).

о бѣдственномъ положеніи многихъ семействъ; это побудило графа Дибича выдать новое пособіе.

При самомъ выѣздѣ изъ Адрианополя, Дибичъ сказалъ генералу Михайловскому.—Данилевскому, исправлявшему должность дежурнаго генерала арміи: «надобно проститься съ заломъ, гдѣ былъ подписанъ миръ».

Они вошли вдвоемъ въ эту залу и Дибичъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, послѣ минутнаго размышленія сказалъ: «путешественники долго будутъ приходить сюда». На это Михайловскій — Данилевскій отвѣтилъ, что «зала и весь Эски — Сарай разрушатся, но останется исторія».

«Я очень желалъ, сказалъ Дибичъ, подписать миръ 30 августа, въ день, издавна празднуемый Россіею, но переговоры не были доведены до конца и я заключилъ миръ 2 сентября, также день памятный, когда за 17 лѣтъ передъ симъ Кутузовъ уступилъ Москву.

Какая огромная перемяна съ тѣхъ поръ въ нашемъ положеніи! Тогда мы отдавали Москву, а теперь въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Константинополя!»!

Уходя изъ залы, Дибичъ приказалъ снять со стѣны и взять въ воспоминаніе одну изъ многочисленныхъ досокъ съ изрѣченіями изъ Корана.

На этой доскѣ было написано золотыми буквами:

«*Все въ міръ суета*»¹⁾).

Посольство гр. Орлова въ Константинополь. Мы упомянули выше, что послѣ отъѣзда Дибича изъ Адрианополя, гр. Орловъ отправился въ Константинополь для врученія султану письма Императора Николая.

23 ноября назначена была султаномъ аудіенція русскому послу въ Рамизъ—Чифтликѣ. Какъ извѣстно, это были огромныя казармы на сѣверо-западной окраинѣ города, близъ деревни Топчларъ; при этихъ же казармахъ былъ султанскій кіоскъ, гдѣ въ это время жилъ султанъ.

¹⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, стр. 196—197.

Въ 9 часовъ утра гр. Орловъ поѣхалъ въ Рамизъ — Чифтликъ въ сопровожденіи статскаго совѣтника Франкини, въ качествѣ переводчика, и двухъ офицеровъ—генеральнаго штаба кап. Коцебу и Павлоградскаго гусарскаго полка поручика Бахметева; весь конвой русскаго посла состоялъ всего изъ двухъ нижнихъ чиновъ — одного гусара и одного казака.

По прибытіи въ Рамизъ — Чифтликъ, Орловъ былъ встрѣченъ адъютантомъ султана, Авай-беемъ, который дожидался его у главнаго входа. Выстроившіеся близъ дороги солдаты отдали русскому послу воинскую честь; офицеры разныхъ чиновъ и всякаго оружія тѣснились по пути. Войдя въ комнату Селигдаръ — Аги (султанскаго меченосца), графъ нашелъ тамъ Рейсъ-ефенди. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Рейсъ-ефенди объявилъ, что Порта сочла обязанностью оказать всякое содѣйствіе больнымъ русскимъ воинамъ, оставленнымъ въ Адрианополѣ и предоставила въ наше распоряженіе казармы, въ которыхъ помѣщенъ госпиталь. Графъ Орловъ отвѣчалъ, что Государю Императору будетъ весьма пріятно видѣть свое желаніе предупрежденнымъ. Въ это время прибылъ флигель-адъютантъ султана Ахметъ-бей просить русскаго посла къ его Величеству. Тогда Рейсъ-ефенди ввелъ гр. Орлова въ пріемную залу, гдѣ на тронѣ сидѣлъ надипахъ. Гр. Орловъ, поклонясь султану по европейски, передалъ ему письмо государя.

Когда султанъ принялъ письмо, тогда Орловъ сказалъ, что Государь Императоръ приказалъ ему засвидѣтельствовать желаніе Его Величества о вѣчномъ продолженіи мира, заключеннаго въ Адрианополѣ; къ этому Орловъ прибавилъ, что, по возстановленіи мира между обѣими народами, Государь Императоръ желаетъ вступить съ султаномъ въ сношенія личной пріязни, основанной на взаимной довѣренности и что такое дружественное намѣреніе составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей настоящаго посольства.

Султанъ отвѣчалъ черезъ Рейсъ-ефенди, что онъ съ благодарностью принимаетъ письмо Государя Императора и выраженные въ немъ дружественныя чувства, что по заключеніи мира онъ не перестанетъ заботиться о сохраненіи его и что строжайшее исполненіе всѣхъ условій Адрианопольскаго трактата будетъ предметомъ искреннѣйшихъ его стараній.

Въ отвѣтъ на рѣчь султана, Орловъ высказалъ какія счастливыя послѣдствія должно ожидать для обоихъ народовъ отъ личной пріязни между Государями, на что султанъ отвѣчалъ, что даль

русскому Императору лучшее доказательство своего расположения отправленіемъ въ Петербургъ чрезвычайнаго посольства.

Графъ Орловъ, увѣривъ султана, что Государю Императору будетъ весьма пріятно назначеніе Галиль-паша, принесъ султану благодарность за отличный пріемъ, оказанный ему въ турецкихъ предѣлахъ и особенно въ Рамизъ-Чифтликѣ среди регулярныхъ войскъ, созданныхъ султаномъ, такъ сказать, дѣтей его.

Это упоминаніе весьма польстило султану; въ началѣ аудіенціи онъ былъ важенъ и угрюмъ, но мало по малу оживился и вступилъ въ разговоръ съ Орловымъ безъ помощи Рейсъ-ефенди.

Пользуясь этимъ, Орловъ вновь упомянулъ о регулярныхъ турецкихъ войскахъ, хвалилъ ихъ хорошую выправку и быстрые успѣхи въ военномъ искусствѣ; султанъ, видимо, съ удовольствіемъ принялъ этотъ лестный отзывъ.

На этомъ аудіенція окончилась; она продолжалась около часа. По выходѣ изъ тронной залы, Орловъ вернулся въ компанію Селигдаръ-аги, куда его проводилъ Рейсъ-ефенди. Мустафа-бей, секретарь султана, и почти всѣ генераль-адъютанты его. Здѣсь Рейсъ-ефенди объявилъ о желаніи султана, чтобы гр. Орловъ принялъ одну изъ лошадей султана, уже осѣдланную, которую его величество даритъ русскому послу, въ знакъ своего особеннаго благоволенія къ нему.

Около полудня Орловъ выѣхалъ изъ Рамизъ-Чифтлика, причемъ ему были отданы такія же почести, какъ при пріѣздѣ¹⁾.

Пріемомъ гр. Орлова мы остались очень довольны. «Пріемъ гр. Орлова превзошелъ наши надежды», писалъ Дибичъ Императору Николаю²⁾. Султанъ обѣщалъ добросовѣстнымъ образомъ соблюдать мирный договоръ, увѣрялъ, что мы впредь будемъ довольны Рейсъ-ефендіемъ, который былъ извѣстенъ своей враждебностью къ Россіи; затѣмъ фирмамаъ объ амнистіи христіанъ, въ которомъ было ссазано, что амнистія дается имъ вслѣдствіе заключенія адрианопольскаго мира и приказанія о поддержаніи порядка въ уступленныхъ намъ въ Адрианопѣ зданіяхъ для госпиталей,— все это было обстоятельства весьма для насъ пріятныя.

1) Лукьяновичъ. ч. 1-я, стр. 206—210.

2) В. У. А. № 2895 (А), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 6 декабря 1829 г. изъ Бургаса.

*Манифестъ объ оконча-
ніи войны.*

Высочайшимъ манифестомъ:

О заключеніи мира съ Турціей было воз-
вѣщено во всеобщее свѣдѣніе слѣдующимъ

«Промысломъ Всевышняго трактатъ вѣчнаго мира съ Турец-
кою имперію заключенъ и подписанъ обоюдными полномочными въ
Адріанополѣ, во 2 день сентября.

«Всему свѣту извѣстно, что единая необходимость принудила
Насъ пзвлести мечъ противу Порты. Въ семь священномъ подвигѣ
на защиту правъ Имперіи Нашей, любезные подданные, движимые
постоянно пламеннымъ усердіемъ къ Престолу и Отечеству, рев-
ностно жертвовали трудами и достояніемъ. Богъ благословилъ
наше предпріятіе. Мужественное Россійское воинство явило новые
опыты истиннаго геройства въ Европѣ и Азіи, на сушѣ и на мо-
ряхъ; оно преодолѣвало и трудности, природою положенныя, и же-
стокое противоборство отчаянныхъ враговъ. Быстро переходя отъ
побѣды къ побѣдѣ, оно перенеслось черезъ горы Саганлукскія,
проникло за Балканы и остановилось у самыхъ вратъ Константи-
нополя. Но мирнымъ и незлобивымъ обывателямъ оно оказывало
пощаду, человѣколюбіе и кротость.

«И во дни брани и славы, чуждаясь духа приобрѣтенія и рас-
ширенія владѣній Россійскихъ, мы не переставали преклонять
Порту къ возстановленію взаимнаго согласія. По даннымъ отъ
Насъ повелѣніямъ, военачальники съ каждою побѣдою предлагали
миръ и дружество. Все было тщетно. Уже по приближеніи войскъ
къ Константинополю султанъ поведеніемъ Нашимъ убѣдился, что
не разрушенія его владычества мы ищемъ, а выполненія тракта-
товъ; тогда постигнувъ искренность Нашихъ намѣреній, простеръ
онъ длани для принятія мира, неоднократно Портѣ предложен-
наго.

«Миръ сей доставилъ Россіи плоды изобильные, существенные.
Кровь воиновъ ея искуплена важными для Имперіи Нашей выго-
дами.

«Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ
народовъ безъ изъятія. Безопасность Россійскихъ предѣловъ, осо-
бенно съ Азіятской стороны, совершенно ограждена присоеди-
неніемъ къ Имперіи Нашей крѣпостей: Анапы, Ахалскихъ, Ацхура и
Ахалкалаки. Пржегіе трактаты съ Портою признаны ею въ пол-
ной ихъ силѣ. Вознагражденіе убытковъ, отъ войны понесенныхъ
и тѣхъ, кои подданнымъ Нашимъ причинены, обезпечено.

Заразѣ, нерѣдко угрожавшей южному краю Россіи, положены сугубыя преграды—учрежденіемъ по обоюдному соглашенію карантинной линіи на Дунаѣ. Благотворное вниманіе обращено и на судьбу единовѣрныхъ намъ народовъ, Портѣ Оттоманской подвластныхъ; преимущества княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены и благосостояніе ихъ упрочено и возвышено.

«Права, сербамъ дарованныя по Бухаресткому договору и Аккерманскою конвенціею подтвержденныя, оставались въ бездѣйствіи; нынѣ и сіи трактаты исполнятся неукоснительно. Политическое бытіе Греціи, опредѣленное Россіею, совокупно съ союзными державами, Англіею и Франціею, признано Портою безусловно.

«Таковыя суть основанія, на коихъ остановленъ миръ, положившій упорной войнѣ вождеденный конецъ».

Западно-европейскія державы не оказали намъ никакого сопротивленія и признали адрианопольскій трактатъ, заключенный при содѣйствіи ихъ пословъ въ Константинополѣ.

«Отчаяніе и ярость Веллингтона и Меттерниха по случаю заключенія нами славнаго мира, писалъ Чернышевъ Дибичу, доказываетъ, насколько этотъ миръ дѣйствительно выгоденъ для Россіи и до какой степени образъ дѣйствій прямой, твердый и законный стоитъ выше интригъ и двуличія; газеты не щадятъ болѣе этихъ господъ и разоблачаютъ ихъ вѣроломство и глупость; но они заслужили только то, чего стоитъ ихъ ярость, какъ бы она ни была сильна, будетъ, тѣмъ не менѣе, безсильна ¹⁾».

Великій Князь Константинъ Павловичъ, который съ самаго начала войны 1828—29 г.г., не сочувствовалъ этой войнѣ, по окончаніи ея писалъ ²⁾: «эта война, столь же неполитическая и несвоевременная, какъ и предосудительная для легитимности.

Эта война лишь дѣло либерализма и поэтому столь превозносятся тѣми, которые ему покровительствуютъ и мнѣніи которыхъ (горжусь тѣмъ), я не раздѣляю теперь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ

¹⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышеву къ Дибичу отъ 30-го октября 1829 г.

²⁾ Русскій Архивъ 1870 г., стр. 425, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ Вильгельму Николаевичу Оливъ, 20-го августа (1 сентября) 1829 г., Франкфуртъ-на-Майнѣ.

когда либо. По слабому моему разумѣнію не съ востока можемъ мы ожидать зла, но съ запада, изъ этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей».

Награды за войну. Государь щедро наградилъ участниковъ похода. Во главѣ ихъ стоялъ Дибичъ.

За Кулевчу онъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени; за покореніе Силистріи назначенъ шефомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, за переходъ черезъ Балканы получилъ титулъ *Забалканскаго*, за занятіе Адрианополя награжденъ алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго и при заключеніи мира получилъ орденъ Св. Георгія 1 степени, а 22-го сентября былъ пожалованъ фельдмаршаломъ и, кромѣ того, получилъ миллионъ рублей ¹⁾.

Начальникъ штаба арміи, баронъ Толь, былъ возведенъ въ графское достоинство, получилъ ордена Св. Георгія 2-й степени и Св. Владиміра 1-й степени, назначенъ шефомъ 20-го егерскаго полка, въ которомъ служилъ, и получилъ 300,000 рублей.

Корпусные командиры получили слѣдующія награды:

2-го корпуса, гр. Паленъ 1-й—орденъ Св. Владиміра 1-й степени и алмазами украшенные знаки ордена Св. Александра Невскаго; сверхъ того, онъ былъ назначенъ шефомъ Сумскаго гусарскаго полка.

3-го корпуса, генеральъ Красовскій—орденъ Св. Владиміра 1-й степени и орденъ Св. Александра Невскаго.

6-го корпуса, генеральъ Ротъ—орденъ Св. Георгія 2-й степени и Св. Владиміра 1-й степени.

7-го корпуса, генеральъ Ридигеръ—орденъ Св. Владиміра 1-й степени и алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго.

4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генер.-адъютантъ Киселевъ—орденъ Св. Александра Невскаго.

Генераль-квартирмейстеръ арміи, ген.-маіоръ Бергъ, и дежурный генеральъ Обручевъ получили ордена Св. Владиміра 2-й степени.

Адмиральъ Грейгъ былъ награжденъ вензелемъ Его Величества на эполеты, а контръ-адмиральъ, графъ Гейденъ, произведенъ въ вице-адмиралы.

¹⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу 22-го сентября 1829 г. изъ С.-Петербурга.

Управлявшій во время войны военнымъ министерствомъ, ген.-адъютантъ гр. Чернышевъ, получилъ орденъ Св. Владимира 1-й степени и 300,000 рублей.

Всѣмъ генераламъ и офицерамъ арміи и флота, участвовавшимъ въ войнѣ 1828—29 г.г., было повелѣно носить медаль на лентѣ Св. Георгія. Медаль эта была установлена Высочайшимъ приказомъ отъ 1-го октября 1829 г.

«Благоволеніемъ Всевышняго окончена брань, въ коей вы покрыли себя пезыблемою новою славою и трудами вашими Россія торжествуетъ миръ достославный!

«Въ двухъ странахъ свѣта неумолкнуо раздавался громъ побѣдъ вашихъ; многочисленный, упорный врагъ сокрушенъ повсюду и пала передъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь его, до появленія вашего не знавшихъ побѣдителей.

«Смѣлою стопою переносились вы черезъ хребты горъ непроходимыхъ и, поражая врага въ неприступнѣйшихъ его убѣжищахъ, у вратъ Константинополя принудили его къ торжественному сознанию, что мужеству вашему противустать онъ не въ силахъ. Столько же отличили вы себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣжденными, дружелюбнымъ охраненіемъ мирныхъ жителей въ покоренныхъ областяхъ, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей. Вы истинно достойны имени Русскихъ воиновъ.

Въ ознаменованіе толикихъ заслугъ вашихъ Престолу и Отечеству, повелѣваю носить всѣмъ участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противу турковъ въ 1828 и 1829 годахъ установленную мною особую медаль за Турецкую войну, на лентѣ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія».

Сверхъ того, всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, классные чиновники и священники, участвовавшіе въ войнѣ, получили годовой окладъ жалованья.

Нессельроде получилъ Андреевскую ленту, а Канкрингъ былъ сдѣланъ графомъ.

Государь не забылъ и тѣхъ, кто оказалъ намъ услуги за границей; онъ послалъ князя Трубецкого въ Берлинъ, чтобы поблагодарить прусскаго короля, своего августѣйшаго шурина, за оказанную намъ поддержку при сношеніяхъ съ европейскими кабинеттами и

за содѣйствіе при заключеніи мира, оказанное намъ прусскимъ посланникомъ въ Константинополь и въ особенности генераломъ Мюфплингомъ; Государь послалъ королю въ даръ, въ знакъ сердечной дружбы, шесть лучшихъ пушекъ, взятыхъ нами у турокъ, а генералу Мюфплингу пожаловалъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени.

